

Елена Усачева

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ

65

Юлечка
Проклятие
Волчьей бухты

Большая книга ужасов

Елена Усачева

**Большая книга
ужасов – 65 (сборник)**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.9-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Усачева Е. А.

Большая книга ужасов – 65 (сборник) / Е. А. Усачева — «Эксмо»,
2015 — (Большая книга ужасов)

«Юлечка» Черноволосая, худая, хмурая – я вижу ее, словно наяву. Юлечку. Девушку, умершую где-то в этих местах. Почему-то я знаю, какой у Юлечки был характер, какую музыку она слушала… не знаю только, что ей от меня нужно. И почему именно от меня?! А Юлечка молчит. Ходит за мной по пятам, словно лучшая подружка, и там, где она появляется, происходят несчастья. Настоящие, живые ребята считают меня ведьмой. Ведь никто не видит мертвую девушку, только я. И мне нужно избавиться от Юлечки как можно скорее – пока не случилось что-то действительное страшное! «Проклятие Волчьей бухты» Что это за место? Аномальная зона, логово волка-оборотня, пристанище неупокоенных душ? Или просто уединенная бухта, отлично подходящая для тренировок юных пловцов? В спортивном лагере все тайком бродят по ночам, все что-то скрывают… А однажды утром Маринка просто исчезла. Говорят, она уехала домой. Но Тамара догадывается: это неправда. Ведь она нашла дневник исчезнувшей девчонки…

УДК 821.161.1-312.9-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Усачева Е. А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Юлечка	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Усачева
Большая книга ужасов. 65

© Усачева Е., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Юлечка

Глава 1 Танцуем от гробов

Я сижу на надгробном памятнике. Нет, это как-то по-другому должно называться. Вряд ли ее здесь похоронили. Хотя кто их знает, поэтов...

Место странное. Когда-то это было хорошим таким затоном. «Задремало зеркало затона» – это про нас. Вернее, про место. Река делает поворот, а тут низинка, после разлива вода остается, в дождливое лето так и вообще не уходит. Это потом все стало мельчать, высыхать. В болотце превратилось. Дальше глобальное потепление, леса погорели. Засуха. Река-то еще держится, а от затона и болота не осталось. Так, грязь одна, ивы, сиречь ракиты, нависают. По весне этот камень как из земли вылез. Торчит белесым пятном. Уже слегка покосился. Раньше из-за болота видно не было. Или камень в болото сразу ушел, а как все посохло, проявился? Чистенький, беленький, как новенький. Только вчера из магазина. На фоне слабой зелени и поникших трав хорошо проглядывается.

Эпитафия некоей Юлечке. Как эта Юлечка ухитрилась здесь навернуться, не понимаю. Если такое ставят на месте, где что-то произошло, то навернулась она здесь. На могилу не похоже. Только камень. Хотя если она утонула и, предположим, ее не нашли, то... Утонуть здесь нельзя. А если очень постараться? Таланты встречаются.

Когда же это произошло? Камню лет десять, а то бы давно либо лишаем зарос, либо его добрые дачники утащили бы к себе на огороды. Или еще что с ним уже непременно случилось бы. А этот стоит беленький. Ну и что, что покосился? От нашей жизни еще и не так скрючит.

Наша деревня на той стороне реки. Мостки кидают лишь к середине лета. Можно, конечно, на лодке переплыть. Но так просто лодку не оставишь – чужих много шастает. Короче, я совсем недавно сюда зачастила. Хорошо, тихо. Дорога идет вдоль реки. Речка у нас, конечно, переплюйка, но душу греет. С дороги ее не видно, она отгораживается от всех кудрявыми ивами. Бабушка моя говорила, что у ее сестры двоюродной в этой речке первый сын утонул. Вот и Юлечка, видать, тоже, пошла по осени за грибами и нырнула. Даже сапог от нее не осталось.

А ведь кто-то эту Юлечку очень любил, длиннющую эпитафию нацарапал.

«Не стало тебя – и вот Завяли в поле цветы...»

Наверное, это все же не осенью произошло, а летом. Была бы зима, писали бы про снежинки. Но с цветами у нас и летом негусто. Заливной луг начисто скашивают. А что не скашивают, то вытаптывает колхозное стадо. Коровы, парное молоко, здоровье, витамины, все дела. За лугом который год сеют кукурузу. И никакой романтики. Только Юлечка спасает. Я сижу на камне и пытаюсь представить, как она выглядит.

В бессмертном стихе сказано:

«И крошечная душа Тучей в тьму отошла».

Я настойчиво гоню от себя мысль, что это был совсем уж ребенок. Трехлетний карапуз пошел в затон ручки помыть, наклонился, не удержался и булькнул. Это было бы совсем неинтересно. Матери по шапке дать надо. А потому придумываю я другую историю. Мне пред-

ставляется девчонка лет пятнадцати, высокая, худая, даже как будто чересчур худая. С тонкими-тонкими ногами, одетая в черное. Кофта с капюшоном. Она еще руки всегда должна держать в карманах. И наушники. Черный провод болтается. Лицо узкое, волосы... волосы... Пускай будут черные. Сказано же – «тучей». А туча, хорошая такая, с грозой – она темная. Вот и Юлечка темненькая, молчаливая. О чем ни спросят – угекает или хмыкает.

Я вижу, как она идет. Черный изломанный силуэт. В уши долбит что-нибудь заунывное... с виолончелью. Беспространность проникает в мозг, пропитывает кости, мешает дышать. Юлечка шагает и шагает в черных сапожках по дороге. Джинсы по колено мокрые, потому что мост опять снесло сильным течением или половодьем после ливня и она через брод сюда попала. И там, в деревне... Кого она там оставила? Кто мог написать такой идиотский стих? Пускай будет какой-нибудь парень. Любитель Нюши и «Зенита», прыщавый недоросль, умеющий слюняво целоваться. Брррр, точно пора топиться.

Я даже знаю, где эта Юлечка жила. Отсюда через речку наверх к началу деревни и сразу направо. С левой стороны богачи напокупали, какую-то попсу построили с лошадью на боку. Напротив старые дома. Три подряд, а за ним, на повороте, один дом заброшен. Лет пять точно сюда никто не ездит. Крыша обвалилась. Подход зарос крапивой. Я как-то сунулась, потом всю ночь колени горели. Террасы нет. Узенький тамбур – и сразу комната идет. Слева обрушилось все. И так услужливо стоит лестница – мол, лезь на чердак, навернись там. А справа ничего еще, ходить даже можно. Печь, диван, стол. В простенке картинка с теткой – ну, такой, известной. Сидит в карете в черной шапке и гордо так смотрит. То ли «Неулыбчивая», то ли «Гордая». Забыла название. Мы по этой картине в школе сочинение писали. На полу газеты старые, книги. Кастрюли какие-то. Целый заварочный чайник, хороший такой, с выпуклым рисунком. Еще какая-то посуда. Вещи. На гвоздике висят здоровенные синие штаны.

Из этого дома баба Шура всех гоняет. Говорит, крыша скоро обвалится. А по мне, я бы там переночевала. Наверняка пришел бы в полночь дряхлый дед, бывший жилец дома, и стал бы гоняться за мной по скрипучим доскам пола. А я бы лестницу на него уронила. И совсем уже исчезая в утреннем свете, дед бы мне поведал свою историю. Что была у него внучка Юлечка, что она...

И вновь мне представляется высокая худая девушка. Вот она идет, идет, идет. Ее взгляд блуждает. Она не видит этих ив, этой травы, этой вытоптанной коровами дороги. Над головой ее печально курлыкают пролетающие аисты. Их здесь много, аистов. За два дома от нас на дереве свили гнездо, теперь летают, на лугу вышагивают, переставляют свои ноги-циркули.

Я ерзаю на камне и вспоминаю, что бросила свою Юлечку идущей мимо ракиты. Вот она идет, идет, слушает что-то там, например Моррисона слушает или Леннона. А скорее всего, что-нибудь симфоническое, с виолончелью. И вот когда уже мозг взорвался от музыки, от беспространности, от тоски, Юлечка доходит до затона и плашмя падает в воду.

Я оглядываюсь. Грязюка, и никакой воды. Юлечка падает, летят брызги и... ничего. С ног до головы грязная, с испорченными наушниками она ковыляет домой.

Потому что в нашей речке ну никак нельзя утопиться. Тем более в этом месте. Эту Юлечку либо собаки загрызли, либо инопланетяне тарелкой задавили. Еще она могла с елки упасть. Ведь сказано, что она над миром «тучей в тьму отошла, с приветом друзьям помахав». Взмахнула она эдак руками – и вниз. А потом, значит, друзья набежали и давай рыдать, коллективно составляя эпическое послание. Значит, «с приветом друзьям помахав, в бездну навеки ушла». Точно, с елки. Три раза.

И снова передо мной стоит неулыбчивая сосредоточенная девчонка. Из наушников выбивается виолончель (и чего я к ней привязалась?), взгляд уперся в белый камень.

«Юлечка, ты в наших сердцах».

Серые сумерки сглаживают цвета, все делают однотонным. Белый камень полыхает в темноте как факел. И черная фигура передо мной – как черная дыра, как поглотитель всего сущего. Меня притягивает к этой черноте. Приподнимает, заставляет идти.

– Совесть есть? – раздалось из темноты. – Дома заждались! Все извелись там уже. А кому-то хочется своим задом холодный камень согреть.

Это моя бабушка. Есть у нее дурацкая привычка бегать меня искать. Скоро вся деревня смеяться будет. Все вечером своим ходом домой идут, а я под конвоем. Такова се ляви.

Я спрыгнула с камня. Отряхнула джинсы. Чего-то и правда не заметила, как темно стало.

– Он не холодный.

– Это врачу будешь рассказывать, когда у тебя по попе чирьяки пойдут.

Моя бабушка создание простое и незатейливое. Живет по извечным правилам. Сидишь на холодном – фурункулы вскочат. Пьешь холодное – горло заболит. Ешь неразогретое – живот заболит. Ходишь в кедах – ноги заболят. Что там еще осталось? А! На улице без шапки – менингит верный. А по мне, так я давно с этим ворчанием схватила мозговое воспаление.

– Ну и что ты здесь сидишь? Ночь на дворе, а ты сидишь! Разве не слышала, как коров по домам разводили?

Это тоже из старорежимного – ориентироваться на внешние звуки. Гудок – пора на завод, колокол звенит – иди в церковь, корова мычит – по домам. И вставать, конечно, с первыми петухами. И ложиться с последними кошками.

И как она меня здесь нашла? Наши по вечерам у памятника сидят. Там магазин, там фонари. А тут темно. И нет никого. Только я и хожу.

– Вставай, вставай! – ворчит бабушка. – Примерзла уже к этому камню. Прямо приворожили тебя. Сидеть больше негде. Как проклятие какое. То на речке пропадаешь, то к затону бегаешь. Словно одного человека, лежащего здесь, недостаточно. Ходишь и ходишь, ходишь и ходишь.

Хочется спросить, знает ли она эту Юлечку, но лень.

Поднимается легкий ветерок. Шуршат ивы. В темноте кажется, что что-то большое переваливается в кроне деревьев, трещит ветками. Такая здоровая черная клякса, с множеством ножек. От ветра она начинает стекать вниз, капать на землю, чавкает под ногами, хватает за лодыжки, утягивает под землю.

Бабушка заставляет идти. У меня очень убедительная бабушка, кого хочешь заговорит. Не хочешь, а делаешь.

– Проснись уже, – толкает меня в плечо бабушка, и приходится шагать быстрее. – Я говорю, говорю, а ты не слышишь! Доброму это не кончится. Ну ничего, вот мать-то приедет... Ты хоть под ноги смотри. Идешь качаешься. Замерзла?

С чего мне замерзнуть летом? Пускай и в августе. Просто речка. Она журчит, заставляет смотреть на себя, представлять. Например, утопленников.

Мостки скрипят. Вокруг столбиков бурлит река. Здесь неглубоко, поэтому река разгоняется, стаскивает с берега песок, кидает его на сползшее в русло дерево. Вода плещется, зовет. Как же этого парня звали? Родственника. Который утонул. Лет двенадцать ему уже было. Я могу представить, как это случилось.

Жарко. Лето. Все побежали на пляж. Деревня на высоком холме. Скатился вниз кубарем, распугал ласточек-береговушек, что в песочном склоне норки сделали, повизгивая, перебежал ручей, прорвался сквозь густую траву – и булых с разбегу, чтобы дух захватило. Народ вокруг тоже плещется, брызгается, парни друг у друга на плечах висят, девчонки сторонкой осторожность проявляют. А ты вроде как уже и не плывешь. Уже внизу. Видишь одни ноги. А головы всех где-то там, далеко. Изломанные, неверные. Все становится размытым. Последнее, что до тебя доносится, – это крик. Истошный. И бурление воды начинается, потому что

все бегут. Как же его звали? Кажется, Миша. Или Василий. Такое простое имя. Я на кладбище видела. В овале портретик. Участенъкий. Леня. Да! Леня.

– Нет, ты совсем очумела со своими походами, – врывается в мои представления бабушка. – Ты же сейчас упадешь! Эй, слышишь? Речку-то перейди! Что ты там в воде нашла? Отомри, отомри! Нечего здесь стоять. И в воду больше не лезь. Ильин день¹ прошел. Вся нечисть в воду вернулась.

Вода вообще штука притягательная. На нее можно бесконечно смотреть. Даже в темноте. Видно, как там что-то плещется, и уже оторваться не можешь, будешь клониться, пока головой туда не уйдешь.

– Не стой, не стой, иди, – зудит бабушка. – Это все суседок² тебя тревожит. Нечего по ночам шастать. РаSTERЕBил, раSTревожил. Да и водяной шут³ тоже хороший. На речку чтобы больше не ходила. Поняла? Шурка верно говорит: сглазили тебя, дурное что наслали, иначе не сидела бы на этом камне. Надо тебя в церковь сводить да к бабке-шепталке.

О! Вот это мне нравится больше всего. Двадцать первый век, а они чуть что – в церковь. Но при этом все валят на домового и лешего. Как же у них домовые с церковью в голове укладываются? Да еще бабка-шептунья. Я даже знаю, где они ее найдут. От нашей деревни туда, вдоль реки, километров пять, большое такое село. Гостешево. Там была когда-то церковь. Огромная, с высоченной колокольней, с широким основательным куполом. Umели люди жить. И принадлежало это все княгине Дашковой. Той самой, что подругой Екатерине Великой была. Ее сюда, бедную, сослали, в село Троицкое. Она все чинно сделала – усадьбу забахала, театр, мельницу и церковь. Все это потом развалилось. Церкви тоже позакрывались. У нас вот в Троицком восстановили. Потому что в той церкви княгиню и похоронили. Могилу нашли, новую табличку повесили, а заодно и церковь отреставрировали. А в Гостешево не восстанавливали долго. Она до сих пор стоит – стены обтерханные, на крыше растет рябинка. Алые ягоды полыхают на фоне проржавевшей маковки. Внутри я там не была – на двери замок. Наверное, служба какая-то там проходит. Есть даже община и активисты. Эти активисты поставили стенд, а на нем разные исторические справки вывешивают. Оказывается, в восемнадцатом веке в селе Гостешево было 78 дворов, в которых жили 341 мужская душа и 364 женские. Семьсот человек, по десять на дом. Круто. В нашей деревне летом и ста человек не наберется, а зимой тут с десяток остается, хотя домов штук сто-то есть.

Значит, в церковь меня поведут в Троицкую, а к бабке – в Гостешево. Есть там такая баба-яга, в крайнем доме живет, на отшибе. Там все как в сказке будет. Дом в землю врос, баба-яга на печи сидит, нос к губе загибается, мхом покрылась…

– Нашла? – крикнули из темноты.

Мы уже поднялись по пригорку от реки к крайним домам.

– Нашла, нашла, – обрадовалась бабушка и зашагала быстрее навстречу бабе Шуре. Прямо облаву они на меня тут устроили. Блокпосты выставили. – Где же ей еще быть? На затоне сидела. Прямо ей там медом намазано.

– Говорю я тебе – сглазили девку, – проворчала баба Шура. И еще посмотрела так недобро. Платок белый, а взгляд черный. – По-другому никак. Лидка и сглазила. Она как зыркнет – трава гнется, не то что человек. Глаз у нее недобрый, с искрой.

– Да какой с искрой? Темный у нее глаз. Смотреть внимательней надо.

– Да я смотрела – светлый, с искрой. Она ж цыганка. Яшка ее дедом был. Тот, что у реки жил. Изба-то развалилась.

¹ Ильин день отмечают 2 августа. Считалось, что после этого дня в воду возвращаются русалки, поэтому купаться нельзя. Календарный конец лета. Говорили: «Илья лето кончает».

² Домовой.

³ Водяной.

Ну и так далее. Баба Шура с моей бабкой могут часами выяснять, какой глаз у Лидки. Тут этих бабок осталось три с половиной калеки, а они все в глаза друг другу смотрят. Ну и конечно, разные гадости друг на друга говорят. Чем им только эта Лидка не угодила? Они чуть что – сразу на нее валят. Дождь идет – Лидка виновата. Дождь не идет – тоже Лидка. Хлеба не привезли – опять же ее работа. Даже мороз зимой, подозреваю, – ее колдовские наветы. А эта Лидка и из дома-то почти не выходит. Только до магазина время от времени доползает. Тут-то начинают с ней все дружно ругаться. Потому что Лидка всегда всем недовольна. И вывести ее из себя очень легко. Но эти обвинения и ругань ничем не заканчиваются. Никто не идет жечь убежище ведьмы или звать попа, чтобы он ее дом проклял. Так что пускай они считают, что меня прокляла Лидка. Если им от этого легче станет.

Стало уже совсем темно. Вдалеке у поля желтым пятном горел одинокий фонарь. И тут я услышала... виолончель. Реально. Занудно так. Кто-то схватил несчастный инструмент и начал пилить. Я фильм как раз недавно смотрела про одну виолончелистку. Дю Пре. Ей пятнадцать лет было, когда она выступать начала. Круто играла. Ей даже инструмент Страдивари доверили. А потом бац! – болезнь смертельная. Что-то с мозгом. Инструмент из рук валится, ноты рассыпаются, ничего не помнит. А инструмент ценный, вот его и отобрали. Она в слезы, в сопли – и в тридцать лет померла. А играла она вот так же – быстро-быстро и очень печально. Я под эту музыку опять Юлечку представила. Как она вся такая в черном идет по улице. У нас, конечно, грязновато, колдобины, но она идет как по асфальту. Лицо узенькое, беленькое. Длинные волосы мокрые, прилипли к щекам, ко лбу. Глаза темные. Коричневые губы растягиваются в улыбке, показывая ослепительно белые зубы.

Чего-то я перестаралась. Так ярко все представила, что самой страшно стало. Ведь стоит, смотрит. Шла, голова опущена, болтаются волосы из-под капюшона. А как подошла, голову подняла – и зырк на меня. А бабки рядом все ля-ля-ля, Лидку да погоду обсуждают.

Я в панике рванула к своей калитке, скинула петлю, распахнула, шагнула. Под ногу что-то попало, как будто тряпка. Я ее перешагнула. Свистнуло. И тут мне стало очень светло.

Боль пришла потом. Во лбу и почему-то в затылке. Грабли, на которые я наступила, с шуршанием опали на газончик.

Вичка заржала. Смех у нее был дурацкий. Она подергивалась всем телом и попискивала.

– Совсем, что ли? – простонала я.

Наступить на грабли, конечно, смешно. Но ведь обидно, да?

– Я думала, ты заметишь! – Вичка сияла. – Не, все правильно! Должно сработать. Шоковая терапия. Хорошо лечит.

– Блин! Тебя бы граблями! Чтобы выпрямило и не корячило.

– Зато вылечит!

Зря я Вичке про Юлечку рассказала. И к камню зря водила. Это она бабку мою к затону отправила. Ну, теперь все понятно. Теперь житья не будет.

Я на всякий случай глянула за забор. Никого там не было. И правда вылечило. Юлечка исчезла. Дурацкий метод. Теперь на лбу будет шишак.

– Ты куда? Да ладно тебе! Обиделась, что ли? Я ж для тебя! Я в книжке вычитала.

Ага, вычитала она. Вичка последний раз книжку в руке держала 31 мая. И то несла ее в библиотеку сдавать.

Я сунулась в холодильник, нашла консервную банку и приложила ко лбу. Сразу полегчало. И мысли прояснились. Например, мне стало интересно, чего тут Вичка делает.

– О! Шпроты! Давай съедим!

Вичка отобрала у меня банку, и голове как-то поплохело. Пришлось брать банку тушенки. Тушенку Вичка вряд ли захочет перед сном есть. Она следит за фигурой.

– А чего моя бабка говорит, что ты головой поехала? – Вичка ловко разобралась с банкой. Открыла ее, наломала хлеба и сделала себе огромный бутер. Я думала, пасть у нее так

широко не откроется. Ничего, открылась. Только одна рыбина на скатерть бухнулась, маслом пlesнула. – Что тебе теперь везде покойники мерещатся. Ты знаешь, что моя бабка про эту Юльку говорит? Что она и не жила тут совсем. Что приехала на лето и сразу утонула.

Тушенка подозрительно быстро нагрелась, и я полезла искать другую.

– Где там тонуть?

– Она, типа, встала, задумалась, ее и затянуло. А когда вытащили, уже поздно было. Померла.

– И где ее похоронили?

– У Вязовни.

Было тут неподалеку новое кладбище, у деревни Вязовня. Ему лет пятнадцать, а уже растянулось на весь лес. Там и не найдешь никого. Это если, конечно, задаться целью кого-то найти.

– Хотя бабка не помнит, чтобы хоронили. Может, и не хоронили совсем. Там оставили.

– Если бы там оставили, она бы так же, как камень, из земли вылезла. А трупов в затоне нет.

– Ничего, – Вичка с сожалением посмотрела в пустую банку, где жирно блестело оставшееся масло, – говорят, будет две недели без дождя и жарень. Совсем все высохнет, проявится.

Я представила, как это все будет проявляться, – и похолодела. Отложила тушенку.

А хорошо так. Дрожит воздух от жары, ни ветерка, застыли высушенные колосья пшеницы (или ржи – не помню, что колхоз на поле посеял), и среди этой звенящей тишины поднимаются трупы. Прямо из земли. Как памятники. Тут постоянно какие-то бои шли – Наполеон туда-сюда ходил, Гражданская, Вторая мировая, наверняка не всех нашли и закопали. Куликовская битва у нас тоже эхо дала. На кладбище живем, по кладбищу ходим!

Хлопнула дверь, и я вздрогнула – до того все это ясно увидела. А тут еще банка выскользнула из пальцев – и по ногам. Я взвыла, проклиная все битвы вместе взятые. Вичка, как водится, довольно захмыкала. Хорошо, не засмеялась. А то бы я ее этой банкой прибила и эпитафию потом сочинила. Что-нибудь про тучи и дождь.

– А ты чего здесь? – строго спросила моя бабушка. – Шуре нехорошо стало, она домой пошла. Я думала, ты там. И кто это грабли по двору раскидал? Я чуть не наступила.

Вичка озабоченность на лице изобразила, смахнула со стола крошки.

– Спасибо, баба Мань, – прощебетала она, выскакивая за дверь. – Все было очень вкусно!

– Чего это ей вкусно было? – проворчала бабушка.

– Шпроты тебе особенно удались, – ответила я. Вичка убежала, отдуваться за нее мне придется. – Ты у нас по ним мастер.

– Так! – Бабушка тяжелым взглядом посмотрела на стол, на скатерть, на банку, на разломанную буханку хлеба. – Завтра едем в Троицкое, в церковь. А не поможет – поедем в Гостевшево. Я уже договорилась там с одной. Шурка мне телефон дала. Я позвонила. В любой день перед вечерней дойкой она нас и примет.

– А если одно другое перебьет? – Кататься по деревням развлечения ниже среднего. Да еще по такому идиотскому поводу.

– Да тебя и граблями не перебьешь! – рассердилась на меня бабушка. – Мы сначала съездим в церковь, потом посмотрим. Будешь чудить – дальше поедем.

– А вот что, если священник поможет, а шептунья потом все испортит? – настаивала я.

– Как это испортит, как это испортит! Все на пользу! А ты чего с тушенкой-то? Проголодалась?

Нет, я не проголодалась. Мне вообще в деревне есть не хочется. Воздух здесь какой-то плотный. Им одним питаться можно. Ну и еще бутербродами.

На ужин бабушка нажарила картошки и принесла банку молока. После такой еды я полночи не спала – в животе бурчало и перекатывалось. А потом я вдруг увидела Юлечку. Она сто-

яла в дверях комнаты, одной рукой отодвигая штору. Высокая, ей была низка притолока, поэтому она согнулась, смотрела на меня. Одной рукой, значит, штору отодвигает, а другой протягивает мне наушник. Хочет, чтобы я присоединилась. И уже слышно, что там играет. Басы, клавиши. И голос. Протяжный, на одной ноте.

В животе моем булькнуло, и я проснулась. Юлечки не было. Никто не предлагал мне послушать музыку. Музыка и так играла. Телефон. Где-то на кухне.

Я вскочила, плохо соображая, где нахожусь. Снесла стул, сбила половик. Телефон, телефон! Подожди! Я иду.

– Рика! – выдохнула мне в ухо Вичка. – Моя бабушка помирает.

Глава 2

Средства защиты

От нас до ближайшего города километров десять. Обычно «Скорая» часа два едет. А тут быстренько они. Не успели мы с Вичкой толком нареветься, а они уже примчались. На ухабах фары прыгали как ненормальные. И парень, молодой такой, симпатичный. Что он в таком захолустном городе делает? Там всего-то две улицы – одна главная, вторая поперечная. И тут вдруг парень. В белом халате. Поколдовал он над бабой Шурой, оставил стопку направлений на обследование и еще такую же стопку на лекарства и укатил. После него наша улица стала особенно темной. От реки потянуло прохладой.

Перепуганная Вичка отказалась спать в одном доме с умирающей бабушкой, поэтому на ночь перебралась к нам, а моя бабушка пошла туда – не бросать же больного человека. Остаток ночи у нас выдался веселый. Сначала мы ржали как полоумные, потом я рассказала, что ко мне Юлечка приходила и давала музыку слушать. Растревоженная собственными страхами Вичка помчалась по всему дому свет включать и даже старую радиолу⁴ врубила. Треск радио всегда рождал в доме уют и умиротворение. После этого у Вички батарейки сразу сели, и она уснула, а я еще немного межпланетный треск послушала, а потом пошла свет выключать.

Наушники я нашла на кухне. Обыкновенная черная змейка провода, кнопки затычек. Никуда эти наушники воткнуты не были. Просто так лежали. Но мне показалось, что я слышу музыку. Басы, клавиши. И голос. На одной ноте.

Я с такой скоростью убегала с кухни, что свет там не выключила, о чем мне первым делом и сообщила бабушка.

– А ну вставайте! – хлопнула она полотенцем по нам обеим.

Когда ты спишь, а тебе по голове стучат, это не самое приятное пробуждение. Тем более когда ты всю ночь перед этим гоняешь привидения.

– Вы зачем свет на кухне оставили? Голодные были?

– Ой, баба Мань! – тянулась Вичка. – Я там у вас какой-то салат съела. Ничего?

Я во все глаза смотрела, как Вичка выгибалась сначала в одну, потом в другую сторону, слышала, как хрустят ее суставы. Это значит, она тут сначала ржала, потом пугалась, потом спала, а между делом успела в холодильник нырнуть. Вот это сила!

Я представила, как Вичка, крадучись, идет на кухню, как, озираясь, открывает холодильник. Как ныряет головой в белую стынь, гремит тарелками, заглядывает под крышки кастрюль. И как на нее из-за этой дверцы смотрит Юлечка. Тяжелым таким, черным взглядом. Юлечка улыбается и толкает дверцу. Холодильник захлопывается, защемляя голову. Обезглавленное тело Вички валится на пол.

– А свет выключать тебя не учили? – ворчала моя бабушка – ночь была бессонная, весь сегодняшний день она теперь будет ворчать. – Завтракай иди к бабке. Когда твои родители-то приедут?

– Э-э-эх, – от души зевнула Вичка. – В выходные. А что у вас на завтрак? Блинов не будет?

Я фыркнула от удовольствия. А моя бабушка застыла. Надо по утрам тоже блины требовать. Мне понравилось.

Все хорошее когда-то заканчивается – Вичка сожрала все бутерброды и убежала. А мне бабушка велела собираться:

– Мишка в город поедет, нас до церкви подбросит.

⁴ Древний аппарат времен наших бабушек, совмещал в себе радио и проигрыватель пластинок.

Первой в нашем списке значилась церковь. Это и правильно. Надо сначала использовать официальную медицину и уже потом бить по альтернативке – гомеопатия там, иглоукалывание. Повеселимся.

Я гоняла заблудившиеся в чашке чаинки – они, наверное, жалели, что забрели сюда из заварника, – а бабушка собиралась с силами, чтобы начать подробно расписывать план военных действий.

Она на меня смотрела, а я дула на холодный чай – мне от таких взглядов нехорошо становится. Даже мысль о блинах не бодрила.

– Правильно Шурка говорит – сглазили тебя, – проговорила наконец бабушка. – Вон и мешки под глазами, и похудела. Лидка. Она, не иначе. Кукушка старая. Опять за свое.

Тут, конечно, напрашивался вопрос – а что было? Задать его я не успела – бабушка сама все рассказала.

– Вот-вот, смотрю, глаз у тебя какой-то странный стал. Все как в тот раз. Девка тогда высохла. Это еще на Вязовне было. Лидка на нее зыркнула раз – и все, через пару месяцев от девки один скелет остался, как ходила, непонятно. Лет пятнадцать ей было или шестнадцать. А возили-то ее, нет, не в Гостешево. В другом месте шептуны жила. Туда ее и повезли. Через порог клали, воск лили. Отходили. В себя пришла девка, только вот счастья у нее уже не было. Так и прожила бобылихой. Мать ее все ходила, жалилась. Сюда как-то за молоком они приезжали. Как Лидку увидели, так бежали сломя голову. Она как раз с краюшкой живет, Лидка-то.

Ну, это понятно. Во всем виновата Лидка. Наверное, скоро всей деревней пойдут ей стекла бить. Не знаю, где она живет. Крайних домов у нас много. Деревня крестом стоит. Один край тычется в речку, противоположный – в поле, по другой перекладине – скотный двор подпирает, а если сквозняком деревню пройти, она просто кончается, потому что кончается. Ни темного леса, ни сырого бора, на опушке которого должна стоять изба бабы-яги.

Вот и Юлечка усмехнулась. Лицо у нее тонкое, а рот широкий, когда улыбается, кажется, что половину подбородка сносит. Она меня понимала: все это, конечно, ерунда. Никакая Лидка тут ни при чем. И нет на мне сглаза. Но с бабушкой лучше не спорить. Бабушка по спорам мастер. Ехать вот только совершенно не хочется.

Глаз у Юлечки потемнел. Куда-то она смотрела. На стол куда-то.

– Осторожно! – крикнула я.

Бабушка вздрогнула:

– Ой, кто ж это так нож-то положил!

Все-таки человек старый, реакция не очень хорошая – бабушка остановила руку в последний момент, не опустила ладонь на лезвие. Никогда не видела, чтобы ножи так клали – на ребро лезвием вверх. Он и не стоит так. Но сейчас стоял. Как раз под ладонь бабушки.

– Задела, наверное, неудачно, – пробормотала я, выбираясь из-за стола. А тут и сигнализатор стали у крыльца. До Троицкого нас обещал довезти Мишка на своем разваливающемся «Запорожце», обратно мы на автобусе доберемся.

Троицкое – это имение княгини Дашковой. Красивое место себе для жизни княгиня выбрала. Высокий холм пологими волнами уходил к реке. Через нее протянут подвесной мост. Крепкий. По нему даже на мотоциклах гоняют. И дом тут, видимо, стоял приличный. Одни въездные ворота чего стоят. Здоровые, каменные, с тремя пролетами. Сейчас за ними – ничего. Не вселенская пустота, конечно: кусты, трава, крапива. Где-то в этой крапиве основное здание и стояло. От него мало что осталось: кусочки фундамента, камни, битый кирпич и множество ходов под землю. Любила княгиня секретничать, устроила несколько подземных ходов – один вел к церкви, другой на берег реки. Ничего там сейчас уже нет, а говорят, когда-то парк был красивый, берег был укреплен каменными парапетами. Дом разобрали уже после войны, то есть лет шестьдесят назад, от всего имения – ворота, два флигеля и остатки театра. Флигель, что слева от ворот, стоит без крыши. Там, говорят, была когда-то школа. По тропинке про-

драться направо – второй флигель. В эпоху колхоза здесь было что-то общественно-полезное: окна заколочены, двери забраны деревянными палками крест-накрест. Напротив него бывший театр. У него две красивые башенки, крыши нет, одни стены. Высокие арочные окна вровень с землей. Сохранился треугольник портика над входом. Он выступает вперед, но колонн, которые должны его поддерживать, уже нет. Вверх торчат остатки труб. Они почему-то здесь разной ширины – правая заметно толще. Если забраться через окно, то окажешься в большой комнате, заваленной битым кирпичом, каменная лесенка ведет на второй (или третий) этаж. Здесь тоже кирпичи, бутылки, пластик. Пахнет кислятиной. Крапива, крапива, опять крапива, вдоль всей правой стороны. Окна тоже полукруглые. Комнатки похожи на подвал – небольшие, низенькие, с арочными сводами. Арки сходятся у центра потолка в выломанной точке – наверное, тут висела люстра.

– Ну вот куда ты залезла? – ворчит бабушка.

Вообще-то она мне сама сказала «Иди погуляй!». Я и пошла. В развалинный театр по привычке забралась.

– Вылезай! Отец Владимир нас ждет.

Будний день, церковь пустая. Народ приходит только по воскресеньям, тогда же и священник приезжает. Но сегодня он здесь. К чему бы это?

Отец Владимир – невысокий, полный, со смешной редкой, но длинной бородой и еле заметными усиками, волосы собраны в хвост. Глаза веселые. Смотрит, улыбается. Взгляд быстрый. Разок глянет – и сразу все понял. Вот и сейчас посмотрел он на меня и больше не поворачивался. С бабушкой говорил. Но говорил так, чтобы я тоже слышала. Я и слушала. А куда мне деваться? Стою ведь рядом. Старательно делаю вид, что ничего не понимаю.

– Внучка твоя? Внучка… Хорошая девочка. Умывайте ее святой водой по утрам. И пускай молитву читает. Молитвы-то знаете? Свечки? Поставьте. Чего не поставить? Иди у Богородицы помохи попроси. – Последнее – это уже мне.

Я получила легкий толчок в плечо от отца Владимира и пошла. Сначала налево. Нашла надгробие княгини Дашковой. Нашла икону. Остановилась. Надо было о чем-то просить. Про Юлечку не думалось. Думалось о дожде, о том, что речка пересыхает и что пыльно очень на дороге. Об этом и стала просить – о хорошем таком ливне, чтобы не пылило, ну и чтобы огород не так часто поливать. Про Юлечку ничего не стала говорить. Чего о мертвых в церкви рассказывать? Они уже там, сами за себя ответят.

Я быстро управилась, а бабушка все стояла, из церкви выйти не могла.

– А я прихворнул, да, прихворнул, – жаловался отец Владимир. – Что-то с утра грудь сдавило, вот никуда и не поехал. А с девочкой ничего, молитесь, и все пройдет.

Я пожала плечами. Было бы чему проходить. Бабушку бы лучше вылечил от ее мнительностей.

Я вышла на крыльцо церкви и огляделась.

Отсюда наша деревня не видна. Зато хорошо просматривается противоположный берег с городом, изгиб реки. Она у нас капризная, петляет постоянно, как будто длиннющую змею бросили и вот теперь она ползет, ползет, пока не встретится с Окой. Ока – с Волгой. А Волга – с Каспийским морем. Все как в учебнике.

Из-за того что река такая извилистая, все время меняется берег – то подмоет, то осушит. То разольет затон, то…

– Ну что опять застыла? – проворчала моя бабушка. – Топай давай! Не тяни резину. Автобус скоро.

Мы шли по тропе к подвесному мосту. Можно и по автомобильному речку перейти. Но для этого пришлось бы давать большой крюк через село. А тут – к реке спустился, на другом берегу по такой же тропинке поднялся. Надо нам было в городе лекарства купить. По списку. Тому самому, что оставил молодой фельдшер.

Я бодро топала по тропе, размышляя, отчего наша река такая заковыристая, с чего на нашей равнине такие холмы и овраги, ступила на мост и тут заметила, что передо мной кто-то вышагивает. И даже не вышагивает, а вытаптывает. Капюшон черной кенгурушицы на голову натянул и давай тонкие ноги сгибать. Это, конечно, круто, танцуй себе на здоровье, но на твердой почве, а не на раскаивающихся досках. При таких плясках мост сразу заходил ходуном, противно заскрипели тросы. От жуткого скрипа показалось, что все сейчас оборвется и упадет.

– Ох ты господи! – вскрикнули у меня за спиной.

Я успела обрадоваться, что наконец-то бабушка увидела Юлечку.

– Мань! Это чего там такое-то? – спросила бабушка.

Я обернулась, собираясь ругаться. Ну не нравится мне, когда меня Маней зовут. И вообще мне имя «Мария» не нравится. Рика! И только так.

Нет, дело было не в Юлечке. Упав одним коленом на мост, бабушка обеими руками вцепилась в тросы. Доска под ней треснула и торчала острым сломом, задирая юбку.

– Мань! Чего это?

Еще и мост качался. Как ненормальный ходил волной вверх-вниз. Речка под нами жизнерадостно шуршала течением.

Я тоже ухватилась за трос, почувствовала, как по нему идет вибрация. В уши ударили хохот. Так и виделось, как эта дура Юлечка заливисто ржет, запрокидывая голову и распахивая свой лягушачий рот: гланзы видны.

Мост скрипел и качался. Бабушка охнула, заваливаясь на бок. Я кинулась ее поддержать. На первом же шаге меня мотнуло. Ноги оторвались от досок. Жесткий металлический трос врезался под ребра. Я рухнула на колени. Дальше все произошло быстро – рядом со мной оказалась бабушка, она вздернула меня, не давая перевалиться в реку. И тут же мост перестал козлить. Замер, словно его натянули. А потом оказалось, что и правда натянули. На той стороне, куда мы шли, в самом начале моста стоял мужик на мотоцикле и ждал, когда мы пройдем. Тяжелая техника гасила вибрацию.

– Ну ты совсем малахольная стала, – испуганно вскрикивала бабушка. – Куда ты прыгнула? Я тебя еле поймала.

– Это ты прыгнула! – Я никак не могла продышаться после таких кульбитов. – Я тебя спасать бежала. Под тобою же доска была сломана!

– В речку ты бежала, а не спасать! – всплеснула руками бабушка. – Ты же прыгнула выше головы! Совсем со своими фантазиями с глазду двинулась. Нет, пускай твои родители тебя забирают. Не усмотрю я за тобой. Если ты эдак каждый раз будешь в речку сигать.

Мы шли мимо мужика с мотоциклом. На бабушкины слова он хмыкнул. Очень довольно хмыкнул. Интересно, что он видел? Спрашивать не стала. Третья версия могла быть самой невероятной.

Автобуса пришлось ждать долго. От нечего делать мы зашли в местный мемориальный музей Великой Отечественной войны. Он был врыт в холм. Два очень холодных сырых помещения. Стены увешаны плакатами и фотографиями. Сводки о погибших, найденные в окрестных лесах гильзы, каски, осколки мин и бомб. Все в этом музее было серое и безрадостное. Я успела представить, сколько же людей в наших лесах и полях было убито всего семьдесят лет назад.

Словоохотливая директриса стала рассказывать о военных действиях. Что во время обороны Москвы сюда все больше перебрасывали ополченцев, которых еще ничему научить не успели, поэтому они почти все погибли. В течение месяца тут погибли чуть ли не несколько сотен тысяч людей.

Все это так печально. Вот люди, вот живые, ходят, бегают, кричат, а вот они уже лежат на поле. Или в лесу. И как все это страшно. И непонятно. И самое страшное, что так внезапно

убитые люди не успокаиваются, что все их неприкаянные души бродят здесь, несут нам свое послание.

– Ты у меня уснула? – Бабушка заметила, что я сижу на лавочке в дальнем зале и смотрю в стену. – Ты давай это кончай придуриваться. Хватит задумываться! Автобус уже! А ты тут.

И я сразу стала не тут, а там, потому что мы побежали на улицу. После унылого музея здесь было хорошо. Но даже в автобусе я чувствовала на себе угрюмые взгляды героев с фотографий на стенах.

– Смотрю, ты совсем приуныла, – качала головой бабушка. – Отец Владимир не помог. Я пожала плечами. Как можно понять, помог или не помог, если ничего нет?

Или есть? Может, меня демоны мучают? Я видела в фильме. Там одна тетка была одержима демонами и все время орала. Ее потом от них освобождали. Она снова орала. Я вроде пока не ору. Да и не демон у меня, а одна Юлечка. Не налетает, крыльями не размахивает, огненные следы за собой не оставляет. От чего меня тогда вообще спасать?

Как только я увидела Вичку около нашего забора, сразу поняла, что меня ждут. С нетерпением. Бабушка пошла отдавать лекарство, а я распахнула калитку и огляделась.

Они лежали в траве. На дорожке были рассыпаны гвозди. По Вичкиной идеи я должна была их обойти, ступить на газончик – а тут грабли. Только с чего у нас вдруг гвозди будут на дорожке валяться? Или какой дождь вурдалачный прошел?

– И что баба Шура? – спросила я, перешагивая гвозди. Поскользнулась.

– Осторожно!

Крик вошел в мою голову вместе с ручкой грабель. На мгновение показалось, что я вижу нахмуренное лицо Юлечки. Сведенные бровки. Из одного уха выпал наушник, и в моей голове теперь с грохотом разрывается Моррисон.

Я долго лежала обнявшись с граблями, отказывалась вставать. Вичка рыдала. Она клялась, что не хотела меня убивать. Что шоковая терапия – это верный способ от галлюцинаций. И что никакую Юлечку она в глаза не видела. Никогда. Ни вчера, ни ночью. Ни только что.

– С того самого вечера, как мы ее вызывали, не видела, – поправилась Вичка, шмыгнув носом.

Ну да, был у нас такой заскок. Встретив надгробный памятник, нам стало так интересно, кто такая эта Юлечка, что мы пошли в заброшенный дом и попытались вызвать ее дух. На наши призывы откликнулась корова, которая зачем-то забрела вместо своего двора к нашему шаманскому костру и повалила сарай. Баба Шура прибежала ее выручать. Вместе с коровой досталось и нам. Баба Шура все грозила, что на нас упадет крыша. Это вполне могло случиться – выглядел дом плачевно. После этого про Юлечку мы не говорили. Сразу разбежались по домам парное молоко пить да телевизор смотреть. Потом Вичка умотала куда-то на весь день, а я пошла гулять. Погода была плохая, спускать лодку на воду мне бабушка запретила. Еще так прикольно бегала за мной по воде, подобрав юбку, пока я возилась с лодочными замками. Бабушка победила, лодку отобрала. Тогда я обиделась и пошла на затон, где меня вечером снова выловила бабушка. С этого момента все дружно взялись за мое лечение. Особенно старается Вичка с граблями.

Значит, Вичка никого не видит. А я – так в полный рост. И при этом Вичка хочет меня от моих видений вылечить. Хорошо, что косу не подкладывает. Когда тебя перерубит пополам, очень тяжело потом жить. Зато с призраками будешь на дружеской ноге.

– Надо в этот дом еще раз ночью сходить, – сказала я, удобней перехватывая черенок грабель.

– Зачем?

– Все неспроста: кто-то пытается нас убить.

И я рассказала про бабушку, упавшую на мосту, про заболевшую бабу Шуру и про отца Владимира, который захворал как раз в тот день, как мы приехали. Вичка еще тут со своей сельхозтехникой.

Вичка усмехнулась. Есть у нее такая особенность – хмыкнет загадочно и молчит. Ей надо тогда массу вопросов задавать, чтобы объяснила, что ее так веселит. Но сейчас спрашивать я ничего не хотела. Чего спрашивать, когда и так ничего не понятно.

– Пошли чай пить, – вместо вопросов сказала я. – Мы конфет привезли.

Горячие напитки хорошо освежают мозги.

Мы пили чай и смотрели, как за окном носятся пацаны на велосипедах. Протарахтел один раз мотоцикл. Бегала по забору туда-сюда настойчивая трясогузка. Странно, что еще мальчишки не подошли. Они как раз после обеда подтягиваются. Если не уходят на рыбалку, не купаются или не уматывают еще куда. В этот раз, видно, выбрали вариант «еще куда».

– Ну и кто тут опять разбросал грабли? Наступить хотите?

Бабушка вернулась.

Вичка стала довольно хмыкать в чашку, шуршать фантиком, засовывая в рот сразу три конфеты.

– Давай, давай, иди, – гнала мою гостью бабушка. – Там твоя помощь нужна.

Вичка не слышала. Наоборот, по-хозяйски прошла по кухне, поставила новый чайник. Чай бабушке предложила. Подвинула ополовиненный пакет с конфетами.

Я молчала. А что тут скажешь? Чай – всегда хорошо. Особенно, когда есть конфеты. Даже не так – пока есть конфеты, чай – это хорошо. Интересно, Юлечка любила конфеты? Наверное, нет. Такие мрачные личности должны лимоны есть. Откусывать прямо с кожурой.

От фантазий у меня сразу стал полный рот слюны. Я слегка перехватила внимательный бабушкин взгляд.

– Может, Шурка и права, – тяжело вздохнула бабушка. – Надо тебя на Соловки отвезти.

– Куда? – подавилась чаем Вичка.

– А ты что здесь сидишь? – встрепенулась бабушка и отобрала у Вички конфету. – Говорят тебе, домой иди. И чтобы в той развалюхе я вас больше не видела! Шурка говорила, вы там отирались. Крыша на башку свалится – вам самим надгробный памятник потребуется!

Закипев, чайник выключился. Вичка обиженно поджала губы и выползла из-за стола. Культурно сказала «Спасибо!» и отчалила. Глазами сверкнула: мол, держи в курсе.

– А в доме том кто жил? – спросила я. – Ну, который разваливается?

Бабушка смотрела непонимающе. Время шло, ответа не было. Я потихоньку хозяйничала – налила чай, достала кусковой сахар, виноградный. С ним пить чай очень вкусно. Как будто карамельку грызешь.

– Где крыша на нас свалится! – подсказала я.

– Да никто, – рассердилась бабушка, звякая ложкой о блюдце. – И что вы все к этому дому привязались? Стоит и стоит!

Вот ведь странные дела – дом лет пять заброшен, а то и все десять. Но в прошлом году мне это было неинтересно. Я целыми днями гоняла с пацанами на велике и пропадала на речке. Теперь велосипед мне скучен, речка вдруг превратилась в грязную и холодную. Я как будто впервые разглядела и дом, и таинственный камень у затона. Пацаны теперь кажутся маленькими и неинтересными. И все больше хочется быть одной, а не носиться шумной компанией.

– Ну да – никто! – проворчала я. – Дед какой-то. Там и штаны висят.

Бабушка долго шуршила пакетом, выбирая кусочек сахара покрупнее, потом в сердцах бросила все и посмотрела в окно.

– Надо тебя родителям отдать. Не услежу я за тобой, – повторила она утреннюю угрозу.

Сердце мое нехорошо сжалось. Я сразу представила, как перед отъездом рыдаю на камне Юлечки. Для полного трагизма надо будет дом деда подпалить. Чтобы памяти на весь год хватило. Но как я без деревни переживу август, не представляю.

Бабушка все смотрела и смотрела на улицу, а я придумывала, что бы такого жуткого сделать, чтобы меня здесь запомнили. И тоже уставилась в окно. Там как раз чье-то лицо появилось. Я успела подумать, что Вичке сейчас опять влетит от моей бабушки, как стекло запотело от дыхания и на нем появилось: «НЕ УЕЗЖАЙ».

Я поперхнулась чаем, фыркнула, представляя, как Вичка совершает акробатические этюды с запрыгиванием на приступок, с подслушиванием и надписыванием. И тут чай запрописался из меня наружу. Потому что я вспомнила, что между окном и улицей, по которой сейчас рассекают велосипедисты, – палисадник. Как раз впритык к дому растут три куста шиповника. И чтобы подойти к окну, забраться на приступок и что-то написать, надо как следует насадить себя на куст. А шиповник – это не крапива: ночь поболело и прошло. Это такие царапины с занозами, что неделю помнить будешь.

И конечно, Вичка на такие подвиги не пойдет. А пойдет только тот, у кого уже никогда ничего болеть не будет. Юлечка. Вот кто сейчас заглядывал с улицы.

– А Юлечка в том доме жила? – спросила я, не отводя взгляда от белого лица с горящими черными глазами. Проклятая Юлечка все пялилась и пялилась на меня. И это уже были никакие не глюки. Граблями не спасешься. Это была правда.

– Какая еще Юлечка? Послушай, Мань!..

– Вот эта.

Я показала. Конечно, Юлечка качнула головой, как бы говоря, что не стоит. Но я все равно показала. Малыш тоже хотел познакомить родителей с Карлсоном. Но они все не могли его увидеть. А вот фрекен Бок разглядела. И даже повоевала с ним немного. Моя бабушка не была последовательницей фрекен Бок, ей даже было неинтересно знакомиться с моим призраком. Она смотрела на меня. С нехорошим таким прищуром. И сахар в пальцах ломала. Я сахар с трудом щипцами колю. Но у бабушки пальцы крепче – сахар ломался в мелкий порошок.

– Ты давай чай допивай, – ласково произнесла она. – А я пойду узнаю, может, нас кто до Гостешево довезет. Пешком мы будем долго ходить.

Она собрала пакет с сахаром, аккуратно его завернула и ушла. А я отправилась проверять кусты шиповника. Были они целенькие, не ломаные, зрели на них оранжевые ягоды. На всякий случай позвонила Вичке. Она заверила меня, что самурайскими подвигами не страдает, ни в какие кусты не залезала, руки и ноги не обдириала. Но тоже считает, что если я уеду, то конец лета будет безобразно испорчен. Потому что ее добрые родители отказываются приезжать и забирать милую дочь раньше времени. Велят сидеть с бабушкой. Ей, мол, помочь очень нужна. Сами они не могут приехать ее спасать.

Лезть в кусты и дышать на стекло я не стала. Может, Юлечка как раз этого и добивается, чтобы я тут демонстрировала разные степени буйного помешательства. И вообще не понятно, чего Юлечка хочет. Если она есть, конечно. Может, я устала отдыхать? И у меня от перегрева глюки начались?

Теперь в Гостешево к таинственной шептунье я рвалась даже сильнее моей бабушки. Повез нас опять Мишка. Он вернулся из Троицка, сгонял в райцентр, пообедал и снова намылился в путь. Сказал, что Гостешево, конечно, не ближний свет, но ради моих прекрасных глаз...

Дальше нести пургу ему не дала бабушка. Она строго сказала, чтобы Мишка всю дорогу молчал. И он честно продержался десять минут, чтобы, высаживая нас около развалившейся церкви, снова ляпнуть про «все на свете ради моих глаз».

Пока бабушка искала, где живет местная колдунья, я изучала информационный стенд около церкви, заботливо забранный разбитым стеклом. Выяснила, что это Богородично-Рождественский храм. Что построен на пожертвования местных жителей.

Не, сильная вещь. Мощная. Даже в таком развалившемся виде – решетки в окнах гнутые, под решетками провалы, битый кирпич везде, какая-то труба опять непонятная торчит – церковь впечатляет. Стоит на самой высокой точке, на холме. Сейчас он зарос. А раньше, наверное, вид на церковь был невероятный. Домики внизу, а наверху такая громада. Подниматься к ней надо было по ступенькам. Звон, наверное, отсюда плыл по всей реке. Птицы глохли. Рядом с этой наша церковь в Троицком – тощая манекенщица. А эта – барыня.

Я принялась читать дальнешую историческую справку про церковь и село. Сколько когда было дворов, сколько душ, число школ, кто и когда был приходским священником...

О том, что ко мне кто-то подошел, я увидела в отражении стекла. Кто-то ниже меня и сильно шире.

Я напряглась, готовая к тому, что сейчас начнут меня ругать – не так стоишь, не туда смотришь и вообще иди отсюда.

Но рядом со мной тяжело вздохнули, и я невольно повернула голову.

За мной стола бабка божий одуванчик. Светленькая, в белом платке, из-под которого выбивались седые волосы. По-доброму на меня посмотрела и произнесла:

– Эх, девонька. Плохо все у тебя.

Глава 3

Крыша поехала, и потолок обвалился

Вичка меня, конечно, истеребила. Я ей уже три раза рассказывала, как меня колдунья сама нашла, как перепугала бабушку, наговорив ей про меня массу страшностей. Как меня через порог клали, как что-то шептали, как воск лили, как волос с головы брали и обещали на кладбище закопать. Шептуночка подтвердила, что на мне сглаз, что читается имя «Лида», что лучше мне из деревни уехать, пока не поймал меня черный человек. «Глаз черный. Волос черный». Я уже совсем представила Юлечку и как при встрече скажу, куда ей следует идти. Но тут бабка добавила: «Лицом черный», и я засомневалась, об одном ли мы человеке говорим.

Потом меня из дома выгнали, о главных тайнах предпочли шептаться без меня. Поэтому никаких подробностей не было. Бабушка всю дорогу домой молчала, поджав губы. В таком настроении мы очень бодро дошагали до нашей деревни. Бабушка тут же принялась звонить моим родителям, приговаривая, что меня надо спасать. Они, как водится, к телефону не подходили.

Мне был выдан стакан молока и пакет печенья. Щедрость небывалая, к дождю.

– Ну, собирайся, – выдала мне под конец бабушка. – Поедем на Соловки.

И печенье сразу стало не в радость. Какие Соловки? С чего вдруг? Куда это бабушка собралась посередине лета, когда огород, когда дом, когда она в жизни никогда никуда? Одна новость другой была хуже – я и в город не собиралась, ни тем более на какие-то далекие холодные острова.

Мои новости Вичку огорчили. Она сыпала вопросами, а я ничего не могла сказать, потому что не понимала.

– А что же ведьма? Расколдовала? – не сдавалась Вичка.

Я пожала плечами. В фильмах это все выглядело как-то по-другому. Сегодняшнему действию не хватало антуража. Мышей, засушенных пауков и совы в углу. Глаза у колдуньи непременно должны гореть бесовским светом. А в момент расколдовывания я должна биться и выть. Ничего не было. Я просто сидела. Или лежала. Скучно.

– А сказала-то что?

– Что сглаз. А бабушка теперь хочет меня на Соловки отправить.

Вспомнила все – и поежилась. У меня слово «Соловки» стойко ассоциировалось с концлагерем, где держали в советское время политических заключенных, где валили лес, добывали что-то полезное. А когда все уже срубили и добыли, то копали канавы отсюда и до заката. А потом закапывали.

– На Соловки, на Соловки, – поддакивала баба Шура.

Мы сидели у Вички, поэтому баба Шура все слышала. Идти нам было некуда – Вичка теперь была привязана к постели больной бабушки.

– Была я там пять лет назад, – шептала баба Шура – болезнь ее хорошо прихватила, голос был еле слышен. – Надо ехать до Кеми, а оттуда по Белому морю на теплоходе два часа. В обители найти священника, отца Николая. Николая Кременевского. Он из наших краев. Он поможет. Сила у отца большая. Только не тяните. А то...

Как в лучших традициях: про «а то» баба Шура обещала в следующий раз поведать. А сейчас она устала. Вичка сверкнула глазами, как бы предрекая, что «следующий раз» вот-вот нагрянет. А пока она требует от меня подробностей. Договорились встретиться у памятника павшим в Великой Отечественной войне совсем вечером, когда бабушка уснет и Вичка освободится.

Выходя от Вички, я сразу пошла к памятнику, потому что делать больше было нечего. Он стоит посередине деревни – белый обелиск, обнесенный черным заборчиком. На шерохова-

том камне выбиты имена погибших бойцов. Меня этот список всегда впечатлял обилием родственников. Были здесь Хрюпины В. Ф. и Д. М. – это, видимо, двоюродные братья. А дальше те же Хрюпины, но уже А. В., К. В., М. В. Братья. Вся семья полегла. Выглядело это страшно, особенно то, что они шли печальным столбиком. Или вот Дивов Г. Д. и Дивова З. Х. Ну, здесь понятно – муж и жена. Или мать и сын? Про вариант «отец и дочь» думать не хотелось. Пускай будут старые-престарые муж и жена.

Я стояла и жалела всех этих людей, которые здесь жили или пришли с ополчением. Они вставали передо мной как на фотографии. И у всех были осуждающие лица. Мне тут же захотелось плакать, но разреветься я не успела, потому что примчалась Вичка, гремя своим раздолбаным великом, и мы пошли на берег реки ждать темноты.

На той стороне, за ивами прячется белый камень. С Юлечкой. И угораздило же меня его найти.

Закат вовсю полыхал. Так же полыхали Вичкины глаза.

– Так что это было-то? – настаивала она. – Глюк? Как этот сглаз действует?

– Мозг переутомился, – предположила я. – Пока учишься, мозг работает в нормальном режиме, задачки там решает. А летом нагрузок нет, вот он и придумывает сам себе задачки.

Вичка с подозрением посмотрела на мой лоб.

– Ты что! Мозгу без работы только лучше, – скривилась она. – Нет ничего! Никакого сглаза, никакой Юлечки! Бабка моя заболела, потому что наломалась в огороде, вот ее и кроют. Не надо никаких Соловков. Мы своими методами тебя вылечим. Пойдем, как стемнеет, в избушку.

Это Вичка сильно польстила нашей развалюхе, назвав ее избушкой. Не избушка это, а кандидат на дрова. Но мы все равно пошли. Подготовились по-взрослому. Распустили волосы, натянули новые ночнушки, проследили, чтобы нигде не было никаких завязочек и узлов – ничто не должно стягивать, иначе связь с потусторонним не откроется. Поверх ночнушек натянули халаты, под них – треники. От крапивы. И все равно искалолись жутко. Свечи немилосердно капали парафином на руки. Неверное пламя дергалось и все норовило погаснуть. Со стороны мы сами смахивали на привидений. Если местный дедок-призрак решит зайти сюда проведать свое хозяйство – испугается и сбежит без возможности вернуться.

Крапива! Крапива! Сколько же ее здесь! Мои бедные коленки! И вот наконец узкая покосившаяся дверь. Крыльце с коричневой тумбочкой, на ней белый неопознанный прибор. Коридор с ходом на чердак. Услужливо прислонена лестница. Дальше две комнаты. В первой диван, на него заброшена еще одна коричневая тумбочка. Нижняя дверца распахнута, внутри тряпки. В следующей комнате сервант, диван, лавка с поднимающимся сиденьем и трюмо.

Мы дружно в этом трюмо отразились. Поставленные удачно зеркала отразились друг от друга, создав длинный коридор из наших свечей, частично нас и темноты. Мне показалось, что я увидела третью фигуру. Вздрогнула, оглянулась.

Никого не было. Вернее, были, но только мы. А еще много пыли, шорохов и непонятных звуков.

– Она пришла, да? – шептала Вичка, прижимаясь ко мне. – Давай ее сразу попросим, чтобы моя бабушка перестала болеть.

– Ага, а еще хорошего урожая картошки, – разозлилась я. – Тебе надо – ты и проси! И вообще – ты говорила, что ничего нет.

Мне с этой Юлечкой совсем не хотелось общаться. Поначалу все было, конечно, прикольно, а теперь не очень. Падающая с моста бабушка – не самое приятное зрелище. А поэтому самое время было это Юлечку прогнать.

Мы скинули халаты, сели у трюмо, закрепили на подставке свечи. Зеркала снова создали свой призрачный коридор. Мы уставились в него, мысленно формируя желание. Потому что давно доказано – мечты сбываются. Их надо только правильно произнести, понять, чего

хочешь. Какой смысл вызывать дух Пушкина, если потом не знаешь, что у него спросить или попросить? Два часа шипеть в темноте его имя, чтобы узнать о погоде? Или когда будет контрольная? Или как к тебе относится Стрельцов? Все это можно и так узнать, без Пушкина. Для духа нужно особенное желание, самое-самое сокровенное, чтобы от души шло.

Я вспомнила, что в прошлый раз мне было дико интересно, что же это за Юлечка такая. Мы пытали тогда мою бабушку, бабу Шуру – ни в какую. Даже пацанов наших снарядили разведать – тишина. Взрослые прикрикивали и велели не лезть не в свое дело. Тогда мы полезли в дом. Перед зеркалом я задала свой вопрос. А чтобы вернее на него получить ответ, позвала Юлечку. И первый раз ее представила. Ну что она ходит в черном, что кенгурушница, что музыку слушает. И тогда же я подумала, что она вполне могла утопиться. Не случайно упала, а специально на затон побежать. Что было это, конечно же, по весне, когда река разлилась. И что тело ее так и не нашли.

Мне и сейчас было интересно узнать, что произошло. Если Юлечка топилась, то наверняка бежала к речке и плакала. Проклинала кого-то там, обещала, что с того света всем покажет. И снова плакала.

Плакали. Негромко, с всхлипыванием. Я покрылась холодным потом, поняв, что Юлечка в доме и что она сейчас начнет меня душить.

Но рыдала не она, а дура Вичка. Слезы крупными градинами катились по щекам, из носа уже потекла сопля. А она жмурила глаза и слегка тряслась.

– Ты чего? – прошептала я. Страх внутри еще не отпустил, и с голосом было что-то не то.

– Не уезжай, а? – хлюпнула носом Вичка. – Чего я тут без тебя делать буду?

Меня слегка приморозило, ни рукой, ни ногой не шевельнуть.

– Бабка теперь до конца лета пролежит, меня с ней оставят, в город не пустят. Если ты из-за этой дохлятины уезжаешь, то я завтра же камень выворочу и в реку брошу. Оставайся, а? Нет никакой Юли.

Вичкино расстройство было, конечно, прикольно. Но чем больше она говорила, тем больше я напрягалась. Что-то в ее словах было не то. Она гоняла в носу сопли и обещала всякие ужасы Юлечке, если та еще раз нас с ней разведет.

Уже неплохо зная Юлечку, я понимала, что слова эти ей не понравятся.

Так оно и вышло. Юлечка нахмурилась. Свела свои черненькие бровки у бледной переносицы, медленно вынула наушник.

Черт! Желание! Вичка произнесла свое желание. И очень искренне – слезы всегда признак чистосердечия. Она хочет, чтобы я не уезжала, чтобы Юлечка провалилась в тартарары. Ой, что сейчас будет!

Юлечка в зеркале подняла руку.

Вичка рыдала, уткнувшись носом в ладони.

Рука опустилась.

Поначалу все происходило бесшумно. Я увидела, как угол комнаты стал удаляться. Как стена опрокинулась, впуская в дом стрекот кузнечиков, темноту и ночную влагу. Я успела втянуть голову в плечи. И только тогда появился звук. С шуршанием обрывая обои, полетела балка. Уперлась в трюмо. Старое зеркало устояло. В дрожавшем от пыли свете свечей я увидала улыбающееся лицо Юлечки. Страшное, с черными провалами глаз и рта.

Вичка задрала голову. Вслед за балкой полетели доски потолка. Зазвенело зеркало. И стало темно.

...Нас вытаскивали полночи. Бабушка голосила. Я увернулась от больших досок, Вичка же оказалась погребена. Ничего смертельного, но несли ее до дома на руках. Я боялась с ними идти. Баба Шура и так плоха, а тут ее вообще мог кондратий хватить.

Мне ничего не говорили. Что тут скажешь? Все, что могла, я себе уже сказала. Что дура, что зря не слушала бабушку, что должна была сама разбираться с этой Юлечкой, что... Ругать

себя было бесполезно – ничего не исправишь. Внутри себя я чувствовала взметнувшуюся пыль. Слез не было. Их законсервировали, и теперь они похрустывали твердой коркой.

Оставшуюся ночь мне снился смех Юлечки. Он заставлял меня вскакивать, с трудом соображая, где нахожусь. Утро никак не наступало. Все была ночь, ночь, ночь...

Утро выдалось пасмурным. Бабушка сидела за столом поджав губы. Она уже успела сходить к бабе Шуре с Вичкой. Успела собрать огурцы в огороде. И еще что-то успела.

Я пила молоко и молчала. В молоке плавала коричневая песчинка.

– Шура уже встает, – первой начала разговор бабушка. – Утром сама кур выпустила. Корм задала.

Я кивнула.

– У нас три свежих яйца. На обед яичницу сделаю.

Кивок.

– Как спала?

Я посмотрела в окно. Вспомнила, как на запотевшем стекле проявлялись буквы, и снова опустила взгляд в чашку. Песчинка плавала.

– К Вике-то пойдешь? Она вроде ничего, улыбается. В восемь доктор был. Сказал – ушибы. А в целом жива.

Наверное, красавец-фельдшер приезжал...

На мгновение пожалела, что не была в этот момент у Вички. А может, и хорошо, что не была. У меня последнее время с желаниями как-то не очень.

За окном в пятый раз проехал Шульпяков. Первые разы он был с Веревкиным и Ляшко. Так выкручивал шею, чтобы увидеть происходящее во дворе, что врезался в забор. Больше Веревкин с ним не ездил. Шульпяков от безысходности рассекает один. Восьмерка на колесе, а туда же. Сейчас опять навернется.

– Маша! Вы зачем туда полезли? – спросила бабушка.

Передо мной как картинку опустили: сведенные бровки Юлечки... хохот... черный провал рта. Не буду вспоминать! Не хочу!

– Баб! А нам ничего прополоть не надо? – сменила я тему. – Или картошку выкопать? Давай уже, а?

Бабушка вышла из комнаты. Нет, не уговорите. Больше я об этом ни слова не скажу. Хватит с меня падений крыши.

Бабушка вернулась с миской и пакетом гречки:

– На, перебери. Крупеник сделаю. У меня там еще творог остался.

Было в этом что-то от Золушки. Перебрать крупу, прополоть грядки, поднести дорожку, посадить семь розовых кустов и познать самое себя. С самой собой была самая путаница.

Бабушка села. Стала смотреть. Как можно что-то делать под таким взглядом? Но я сжала зубы, отодвинула чашку и рассыпала по скатерти крупу.

– Куда чистую класть?

Бабушка снова встала. Когда она повернулась спиной, я успела мысленно выдохнуть. Шума из-за нас ночью было много. Полдеревни сбежалось. Я-то сама вылезла, а вот Вичку пришлось откапывать. Я поначалу нашла только ее тапок и страшно перепугалась. Это ведь все из-за меня.

Я разровняла крупу, чтобы удобней было выбирать чернушки. Рука тряслась. Еще она вся в царапинах. Одна нехорошо набухла. Грязь, видать, попала. Надо было перекисью обработать. Но мне ночью было не до этого.

– На!

Бабушка протянула мне металлическую кастрюлю. Я пристроила ее на коленях. Холодная, но я в наказание потерпела чуть, ожидая, когда она согреется.

Подняла глаза к крупке – и тут же про все забыла. По коричневым зернам, словно кто пальцем провел. Получились буквы. «П», «Р»… в конце «Т».

Я смешала гречку. Так. Спокойно.

– Ну, что еще?

Бабушка не уходила. Бабушка следила за мной.

– Вот эта Юля… ну которая на камне… Она кто?

– Что ты себе голову забиваешь всякой ерундой!

Ерунда, ерунда, а несколько дней – то в церковь, то из церкви.

– Сиди, я тебя святой водой умою.

Бабушка пошла по комнате. Но не к серванту, где сверху, рядом с иконами, у нее стояла батарея из бутылок со святой водой, а как-то кругом, внимательно глядя на стены.

– И надо углы обмести, – бормотала она. – Как она этот сглаз-то в дом пронесла? Ведь на порог не ступала.

Понятно, о ком она, но я решила надавить:

– Юля?

Бабушка остановилась, стала обрывать завядшие цветы фиалки, что стояла на подоконнике. Рвала, рвала, все обчистила, до листьев добралась. Они толстые, мясистые, ломались с нехорошим треском.

– Права Шурка, права, на Соловки надо ехать. Что там твои родители думают? – Бабушка задавала вопросы, но не поворачивалась, так с фиалкой и разговаривала. – Хотя что они понимают? Не верят. Сомневаются. Думают, это так просто пройдет. Сама с тобой поеду. Лидку позову, пускай за курами смотрит и огород поливает. А мы поедем. Шурку бы с собой взять. Ей по святым местам хорошо было бы. – Бабушка резко повернулась и пошла к комоду, запуталась в юбке, тихо чертыхнулась, дернула верхний ящик. – Где-то у меня тут…

Бабушка копалась в комоде, а я с остервенением начала перебирать гречку. Во-первых, крупеник – это очень вкусно, особенно в исполнении бабушки. Во-вторых, надоело – в моем возрасте я уже могу сама решать, куда идти и с кем! Поэтому нечего мне тут дружбу свою предлагать. Я на нее не соглашалась. Мне Вички хватает. Так что Юлечка может идти строем башкой о ближайшую стенку.

– О! Смотри! Опять Шульпяков. А чего это он с молоком? Уже двенадцать?

Все-таки он грохнулся. А нечего тут ковбоя из себя изображать. По себе знаю – держать банку молока в руке, когда едешь на велике – это пересчитывать кочки и все равно упасть.

Нет, я не побежала спасать принца. Он больше облился, чем разбился. Шею выворачивал так, словно надеялся, что к нему из окна «скорая помощь» вылетит.

Перед моим носом что-то промелькнуло, и я вздрогнула.

– На-ко, надень.

Бабушка заделалась в спайдермены и научилась мгновенно перемещаться в пространстве. Сейчас она стояла передо мной и протягивала руку. С пальцев на шнурке свисал крестик. Фигурный, небольшой, тусклый-серый. Не серебро. Олово, наверное. В одном месте заметно углубление, словно гвоздем ткнули. Или другим чем железным.

– Это твой. Крестильный. Ты родилась, а летом тебя уже сюда привезли, и мы в Троицкую церковь пошли. Крестили. Как раз у отца Владимира.

У бабушки нехорошо задрожали губы, поэтому я поспешила крестик забрать. Он холодной каплей упал в ладонь. Совершенно не помню этого крестика. Мне цепочки носить не нравится. Не люблю, когда что-то болтается на шее.

Но бабушка смотрела, ждала, что стану делать. С крестиком, по ее мнению, должно было сразу произойти чудо. Раз уж после всех наших походов чуда не случилось.

Я кашлянула и поднялась.

– Спасибо! – показала крестик и тут же спрятала его в карман. – Пойду посмотрю, что там с Шульпяковым. Кажется, он решил рыть канаву под забором.

– И собирайся, – крикнула мне в спину бабушка. – Как билеты купим, поедем. Сейчас буду твоим родителям звонить. Они там у себя в городе по Интернету все быстро сделают. И крест! Крест надень!

Она еще что-то говорила, а я уже бежала через кухню и террасу на крыльце.

Шульпяков – это, конечно, кадр. Он сидел на земле, изучая остатки молока в банке. Не много там осталось. Зато все остальное живописно стекало с его головы, как будто он этой банкой жонглировал.

– У Вички был? – спросила я и уселась на крыльце – ступеньки у нас высокие, широкие, на них хорошо сидеть.

– Дала бы вытереться, – хмуро отозвался Шульпяков, облизав губы.

Очень удобно – умылся, заодно и попил. Смотреть на него было одно удовольствие.

– Иди за угол, там рукомойник около калитки в огород.

– Ага, и собака.

Шарик демонстративно загремел цепью. Никакая это была не собака, а самая настоящая лошадь. Ризен. Здоровый. Когда встает на задние лапы, то глаза наши оказываются на одном уровне.

Ехал Шульпяков, конечно, сюда не за тем, чтобы умываться, и даже падал не для того, чтобы потом в слезах бежать домой. Поэтому про чистые руки он сразу забыл, про вывернутый руль тоже. Подтащил свой драндулет к ступенькам и доверительно заглянул мне в лицо:

– А чего вы в доме-то? Увидели кого? Ну когда все упало?

Встала. Захотелось пнуть шульпяковский драндулет и послать хозяина куда подальше.

– Вызывали дух местного деда, – очень серьезно начала я. – А из зеркала ты идешь.

Мы перепугались и давай по стенам стучать.

Я говорила и смотрела на реакцию Шульпякова. Как-то он погрустнел под своим молоком.

– Не было там никакого деда. Там тетка жила. Ее родичи к себе забрали, а дом забросили. Не знала, что ли?

Сказал и облизнулся.

Ага, тетка, так я и поверила. По вещам видно, что мужик жил. Даже если тетка – что же она уехала и вещи оставила? Диваны там, трюмо, посуду. Заварники хорошие. Могла бы взять на память.

Мои мысли о доме прервал Шульпяков неожиданным вопросом:

– А чего говорят: ты башкой поехала?

Первым моим желанием было, конечно, треснуть по умытой физиономии.

– Ага, ага, – закивала я, соображая, кто у нас в деревне такой разговорчивый. Или Вичка в полуобморочном бреду проговорилась? – Совсем поехала. На людей кидаюсь. И, это... – Чего бы такого добавить? – По ночам на кладбище бегаю.

– Да не, – наивно так улыбнулся Шульпяков. – Ты, типа, призраков видишь.

Мне его на мгновение жалко стало. А ведь в прошлом году дружили, рыбу вместе ловили. В этом году он меня на лодке на тот берег возил. Неплохой парень. Был.

– И они, типа, просят меня выполнить их желания? – подсказала я развитие сюжета. Как в «Шестом чувстве».

– А они просят? – И посмотрел еще так – требовательно. Видать, именно из-за этого и вертелся около дома, узнать хотел новости из Потусторонья.

– Требуют и клацают зубами!

Я бы еще чего ему сказала такого зловещего, но тут в доме раздался неожиданный грохот, и я помчалась на шум.

Сначала я почувствовала, как под ногами что-то хрустит. В панике решила, что это бисер или еще что такое же хрупкое. Пригляделась – гречка. И потом уже увидела скатерть на полу, качается упавшая кастрюля, лужа, ваза, цветы.

– Баб Маш! – пробасил у меня за спиной Шульпяков. – Вы чего?

А я вот бабушку не сразу разглядела. Она стояла за столом в довольно странной позе – наклонившись. Просто наклонившись, и все.

– Мань! Ой! Мань! – со стоном сказала она, глядя в пол. Я бы возмутилась из-за такого обращения, но не до того было.

Мы кинулись с двух сторон, подхватили ее. Бабушка нас оттолкнула, зашипев, как змей Горыныч. После чего стала вдвойне против прежнего стонать и охать.

– Спина, спина, – наконец, произнесла она.

– Вступило, что ли? – первым сообразил Шульпяков и тут же подставил бабушке стул. Догадливый. А я так отшатнулась. Все это, конечно, хорошо, но слишком уж сошлося в несколько последних дней. Все лето спокойно прожили – приезжали, уезжали, купались, гуляли. А тут вдруг…

На полу лежал телефон, и из него еще раздавалось бормотание.

– Мама! Мама! – орали в трубке.

– Ответь, – с трудом переводя дыхание, попросила бабушка.

– Алло.

– Рика! Что с ней? Рика, не молчи! – надрывалась мать.

– В спину вступило, – ответила я и посмотрела на бабушку. Она сделала страшные глаза, замахала рукой, вытянула губы трубочкой.

– Ничего страшного, – перевела я этот мимический театр. – Радикулит, наверное.

– Врача вызовите! Слышишь? Врача! Я вечером приеду!

Да, это не Вичкины родственники. Те приедут, только если кто-то умрет. А тут на каждый чих готовы сорваться.

– Не надо приезжать. Ничего с ней…

Я смотрела на бабушку. Ее снова стало клонить. Она уперлась лбом в стол и замерла.

– Все равно мне тебя забирать надо. Я уже билеты купила.

У меня мама вообще скоростная. Если задастся целью, «Сапсан» обгонит. А билеты – про это и говорить не стоит. Даже если их нет ни одного, если поезд переполнен, нужные билеты у мамы будут.

Бабушка совсем уж плохо застонала и стала сползать под стол. Мы с Шульпяковым ее подхватили, доволокли до кровати.

– Телефон гони! – Что-то у меня совсем с головой плохо стало. – Я «Скорую» вызову.

– У самой вон телефон! – довольно хамски ответил Шульпяк.

Я все еще бегала с трубкой в руках. Круто! Держала и не понимала, что держу. Какой у них номер, в этой «Скорой»? Вот бы взять у красавца фельдшера сотовый и звонить напрямую. А то пришлют какую-нибудь страшную тетку.

Я потряслась рукой, почувствовала странное повторение моего движения.

В руке у меня был не только телефон. Крестик. Он болтался на желтом шнурке. Из кармана зачем-то достала. Не помню, в какой момент.

– Помогает? – понимающе сдвинул брови Шульпяков.

Бабушка застонала, и я, сунув крестик в карман, побежала на улицу. Шульпяков за мной. Я немножко поносилась по двору. Шульпяков вставал на пути, спрашивая, что я тут бегаю.

– Номер «Скорой»! – кричала я, нажимая на кнопки сотового. И – о чудо! – в телефонной книжке было забито «Скорая Троицкое».

Я опять стала бегать по двору, спотыкаясь о шульпяковский драндулет, кричала в трубку, требовала, чтобы срочно, чтобы немедленно, но при этом напрочь забыла, сколько лет бабушке, и не представляла, какая у нее фамилия. Назвала свою – вдруг подойдет?

Приехал все тот же красавец фельдшер. Все-таки мне везет.

Он улыбался. Губы у него были тонкие. Я как завороженная смотрела на них. А фельдшер все говорил и говорил. Что вызовов в эту деревню стало много. Что жаркое лето доконает кого угодно, что много простуд, потому что все купаются, что клещи.

– Не болейте, – посоветовал фельдшер, уезжая.

Глава 4

Купание железного коня

Куры. Они бродили по двору, щипали травку, косились своими сумасшедшими красными глазами, недовольно ворчали. Если бы не куры, дом казался бы мертвым. Занавески опущены, дверь закрыта, калитка на крючке.

Я не стала ничего трогать, обошла забор и полезла через палисадник – классический путь с отодвиганием штакетины, пролезанием под сеткой и заходом через задний двор.

– Вичк! – позвала я.

Толкнула деревянную дверь. Она неприятно щелкнула, отлипнув от косяка. На кухне главной, конечно, была печка. Выставляла свой беленый бок, пыжилась ступеньками на завалинку, распахивала черный зев топки. Здесь же стоял сервант, забитый до отказа посудой. Я знала, что доски пола здесь ходят ходуном, отчего посуда в серванте звенит. Но тишина в доме меня настолько испугала, что я обо всем забыла. Сделала шаг. Доска подо мной спружинила. Чашки радостно отозвались. И тут же в комнате что-то грохнуло.

– Вичк! – позвала я громче, отдернула шторку и вовремя остановилась, чтобы не налететь на преграждающий проход табурет.

Табурет – это еще ладно. Стол на кухне был установлен банками и стаканами. Никогда не видела столько стаканов – граненых, круглых, с тонкой полоской по краю, квадратных с тяжелым толстым дном. Все они были наполнены водой – где наполовину, где на донышке. Но не до края. От моих шагов вода еле заметно колыхалась. Стаканы позвякивали.

Остановилась перед шторкой, отделяющей кухню от комнаты, вдохнула побольше воздуха. Я отлично представляла, как там все выглядит. Вдоль стен стоят кровати. На противоположной от входа стене – ковер с оленями. А над кроватью, что стоит слева от двери, – фотографии. Одна большая, в тяжелой раме. Это чуть размытый снимок женщины в черном платке. Взгляд напряженный. Мать бабы Шуры, Вичкина прабабушка.

– Вика!

Я тронула шторку. Из комнаты на меня пахнуло неприятным запахом лекарств и застоявшегося воздуха.

– Ты одна? – спросили хрипло.

– Конечно, одна! – обрадовалась я. Смело вошла, но следующий шаг сделать не смогла.

Комната оказалась жутко захламлена вещами. Они и раньше тут не знали своего места, а теперь как-то совсем уже распоясались: разбрелись по стульям и спинкам кроватей, залезли на подоконник, развесились по дверцам шкафа.

Слева на кровати, под портретом матери, спала баба Шура. Вичка лежала на кровати в дальнем углу, за шкафом. Приподнявшись на локтях, она смотрела в зашторенное окно. В щель между шторами был виден цветочный горшок. Фиалки. Их у бабы Шуры было много.

– Привет, – прошептала я и покосилась на кровать под портретом.

Вичка не ответила. Только все смотрела и смотрела в окно. Словно сквозь штору могла разглядеть Шульпякова.

Я прошла, стараясь не наступать на вещи. Присела на край кровати. Взгляд Вички смеялся с окна на меня. Так мы смотрели друг на друга и молчали. Что для Вички было странным. Молчать она никогда не умела.

Надо уже было что-то спросить, поинтересоваться здоровьем, но все слова казались глупыми.

Я снова оглядела захламленную комнату. Повеяло безысходностью.

– За мной мать приезжает. – Вещи никак не отреагировали на мое сообщение, и я даже смогла выпрямиться. – Мы на Соловки едем. Хотели с бабушкой. Но она остается. Мама гово-

рит, что ей все равно, куда ехать, что давно пора развеяться. Что на Соловках она не была и почему бы не съездить. Что никакие священники ее не интересуют, но если она с ними встретится...

– А эту свою забираешь? – хрипло спросила Вичка.

Тогда я тоже посмотрела в окно и сильно обрадовалась, увидев штору. Чего нам с бабушкой не хватает – шторы. Чтобы никто в стеклах не отражался.

– Тебе показалось, не было никого.

Вичка убрала руки, медленно опустилась на подушку, уставилась в потолок.

– Я парней попросила, – прошептала она. – Они свернут этот камень и выбросят.

Первым моим желанием было рвануть на улицу. Почему-то представилось, что Шульпяков уже давит педали к реке, по мосту, по стежке к затону. Но потом поняла, что в числе «парней», которым говорили, он был, но ничего не выкапывал. Услышав Вичкину просьбу, сразу поехал ко мне. А вот остальные «парни» отправились к затону. Вичка у нас звезда. Она до сих пор с парнями общается, это я всех бросила. Парни по одному ее щелчку побегут рыть канаву отсюда и до заката. Интересно, кто у нас такой отважный? Юлечка показала себя девушкой сурового нрава. С теми, кто мешает ей, она лихо разбирается. Парочка парней для нее не помеха. Я высказалась Вичке свое сомнение:

– Зря ты это устроила. Вчера ночь просто совпадение. Твоя бабка постоянно твердила, что крыша упадет. Вот она и упала.

– Только на меня? – Вичка перестала сверлить потолок взглядом и выстрелила холодом в мою сторону.

– Ты неудачно стояла. Меня тоже могло завалить.

– Я ее видела. Все как ты описывала. Она слушала музыку. Один наушник еще выпал.

– Я все придумала.

Вичка улыбнулась. Лучше бы она этого не делала. Улыбка выглядела странно и страшно. После такой улыбки оставалось только встать и уйти.

– Я, может, в конце августа приеду. И перед отъездом загляну. Ты дома-то не сиди, выходи на улицу. Там солнце.

Героя всегда подводит желание что-то сказать. Это я еще по американским боевикам заметила. Поймал злодей супермена, наставил на него пушку, но не жмет на курок, а произносит длинную патетическую речь. Зря. Убил бы сразу – злодеи бы победили. Но пока он говорит, герой успевает прийти в себя, оценить ситуацию и вломить злодею промеж глаз. Или успевает орлов позвать на помощь. Словом, находит способ спастись и привести сюжет к хеппи-энду.

Мне бы промолчать и уйти. Глядишь, цела бы осталась. Нет, начала советы раздавать. Вичка немного послушала, а потом приподнялась. Откинула одеяло, и я рассмотрела, какая она вся перебинтованная, заклеенная и намазанная зеленкой. Выглядело страшно.

– Это ты специально все сделала, – зашептала Вичка, жутко округляя глаза. – Натравила ее на меня. Позавидовала. Мне бабка все рассказала про эту Юлечку. Это у вас семейное.

С шепота она перешла на крик. В углу на кровати заворочались:

– Вика, что случилось?

Голос у бабы Шуры, несмотря на болезнь, был весьма бодр.

Я вылетела из дома.

Очень интересно было узнать семейную тайну, по которой Юлечка явилась именно ко мне, но для начала надо было кое-что другое выяснить.

Шульпяков все так и ездил с банкой в обнимку. Я ее отобрала, допила молоко. От этого в голове как-то прояснилось.

– И чего вам про меня Вичка наболтала?

Шульпяков перестал улыбаться и посерезнел. Но молчал. Партизан в пятом поколении.

– Про третью мировую с инопланетянами ничего не было? О том, что надо мрамор и гранит запасать? Что они от радиации помогают.

– А помогают? – сбился с патетического настроя Шульпяков.

– Ты думаешь, чего Веревкин с Ляшко вперед рванули, а тебя, дурака, следить оставили?

Шульпяков взял свою банку и обиженно посмотрел на дно. Никуда не бежал. Видать, чувствовал, что опоздал. Вид у него был совсем уж убитый. И кривой руль у велосипеда он разглядел. И болтающийся отражатель. Даже болты багажника пальцами подтянул, терминатор.

Я решила не вгонять его в окончательную энтропию, хлопнула по плечу и сказала как можно бодрее:

– Тебе повезло. Юлечка – монстр. Теперь у Ляшко глисты заведутся. А у Веревкина еще какая зараза. Она так просто это не спустит. Отомстит. Видишь, на Вику дом уронила. А на них – по инопланетной тарелке. Так что радуйся.

Шульпяков попытался порадоваться, но вышло неубедительно. Последнее время в деревне все выглядели как-то странно. Словно над домами распрыскали специальный порошок – жители разучились радоваться.

– Поехали посмотрим, что они там натворили, – предложила я.

Шульпяков не торопился. Он думал, думал, а потом вдруг выдал:

– Громова сказала, что у тебя голова поехала, что ты теперь призраков видишь. И про какую-то Юльку впарила. Что это семейное предание. Что твоя бабка эту Юльку извела, вот теперь она через поколение мстит. И что если камень убрать, то призрак исчезнет.

Забавно она мне мстит, роняя крышу на Вичку. Говорить я об этом не стала, чтобы не запутать Шульпякова окончательно. А то он и без этого весь такой запутанный. Повторила предложение проследовать к месту событий.

Шульпяков оставил банку на крыльце, выпрямил руль, я уселась на багажник и мы попытались. Несколько тактов велосипед немилосердно вилял, я еле держалась, неудачно ухватилась за пружины седла. Шульпяков тут же отдавил мне пальцы, плюхнувшись на сиденье. Не успели мы разогнаться и пролететь мимо памятника павшим, асфальт кончился, пошли мои любимые ухабы. Теперь я уже вцепилась в седло. Пока боролась за жизнь и равновесие, мы миновали завалившийся дом – посмотреть на него я не успела. С горки к мосту мы скатились с ветерком. Я подумала, что Шульпяков, как истинный бэтмен, поедет по мосткам. Но у реки он затормозил, удачно наклонив велосипед в противоположную сторону от той, где у меня были ноги. Чуть не загремев спиной вперед, я высказалась все, что думаю о лихом наезднике, пообещав емуочных кошмаров с Юлечкой, и мы зашагали по доскам. Доски радостно пружинили. Вода не менее радостно журчала. Река за лето заметно обмелела, но это все-таки был не повод, чтобы падать в воду.

Я, наверное, слишком долго смотрела на течение. Голова закружилась. В журчании мне стала слышаться виолончель. Ну да, понятно, Юлечка передает приветы. И вообще рада моему появлению здесь.

Противоположный склон реки был сильно истоптан коровами. До противного грязного месива. Мы немного поскользнулись, но наконец-то выбрались. Шульпяков всего один раз уронил драндулет. По кромке склона шла наезженная машинами дорога. Мы снова расселись по своим местам и покатили. Наезженная дорога сворачивала через луг к асфальту. А мы поехали стороной по тропе. Здесь река делала очередной изгиб. Заливной луг выпячивался длинным языком, где в утопленном некогда месте и был затон.

Судя по следам, вытаскивали камень «парни» при помощи тяговой силы. Корову они, что ли, запрягли? Но в любом случае результата они достигли. Камня не было. Хорошо, что я бессмертную эпитафию засняла на телефон. Сейчас по памяти и не воспроизведу эту нетленку.

Мы стояли. Смотрели. Я думала, куда усвистали храбрые ван хельсинги и какое наказание им теперь придумает Юлечка.

– Круто! – оценила я уровень мастерства. – Главное, теперь на родственников не нарваться. А то побьют. Или в суд подадут. За осквернение.

– Это же ваша родственница, – буркнул Шульпяков, на которого вид разоренного затона тоже произвел впечатление.

Конечно, родственница! Как я сразу не догадалась!

– Тогда я знаю, кому предъявлять претензии, – с облегчением выдохнула я. – Так и скажу бабушке. Но это потом.

– А сейчас чего? – Шульпяков на глазах мрачнел.

– Уеду, наверное. Мать приезжает. Бабушка хотела на Соловки. Вот и мы на Соловки. Чтобы бабушку не расстраивать.

И тут случилось странное. Шульпяков подошел вместе со своим велосипедом, перегнулся через раму, обхватил меня за плечи и поцеловал. Ну как поцеловал – прижался губами и замер. Я от удивления тоже замерла. А когда мне надоело смотреть на его сощуренность, скосила глаза и встретилась с нахмуренной мордочкой Юлечки. Наушники были на своем месте. Что-то там громыхало. Но она не слушала, а смотрела на меня. В глазах ее мелькнуло любопытство.

Я подавилась воздухом, отпихнула Шульпякова вместе с его велосипедом – он очень удачно с ним рухнул, – а сама зашагала к мосткам. Через них, ни на что не глядя, на холм, мимо крайних домов, мимо развалин – к себе. Дверью хлопнула.

Бабушка бродила по комнате, держась за поясницу. Укол красавца фельдшера подействовал. Но было ей не так хорошо, как она пыталась продемонстрировать. Раз за разом бабушка сдерживала дыхание, пережидала приступы боли.

– У подружки своей была? – первым делом спросила бабушка.

– Была. Баба Шура спит. Лекарств там до фига. Тебе что-то купить надо? Мама поедет, я скажу, чтобы в аптеку зашла.

– Не надо мне ничего. Что мать сказала? Билеты купила?

Моя бабушка… впрочем, как и моя мама… с ними лучше соглашаться, чем что-то объяснять.

И тут я почувствовала, что мне все это страшно надоело! Сериал «Секретные материалы» прямо какой-то.

– А чего все говорят, что эта Юлечка, которой поставили памятник у затона, наша родственница? И что ты ее извела.

Бабушка, конечно, попыталась выпрямиться, но это у нее не получилось. Шарахнула стулом. Я увидела, как побелели костяшки пальцев, сжимавших спинку. Но останавливаться не хотелось.

– Я ее вижу. Постоянно, – говорила я. – Это она уронила на Вичку крышу. Из-за нее вы с бабой Шурой болеете. Она не хочет, чтобы я отсюда уезжала. А еще мальчишки выбросили ее камень.

– Иди-ка рассказывать свои сказки на улицу. А лучше умойся святой водой, – посоветовала бабушка. – Разберемся с твоими призраками. Вот мать приедет и разберемся. Забиваешь голову ерундой. Дачница это была самая обыкновенная. Дачница! А про дом вам сто раз говорили: не лазайте – упадет. Хорошо, что насмерть не зашибло. Здоровые девки, заняться вам нечем. Иди вон огород полей!

И я пошла, но не на огород, а на свое любимое крыльцо. Села на него, стала смотреть на улицу. Хорошая у нас улица, широкая. Вон гуси вышагивают. Первым идет гусак, крылья раскрыл, голову задрал, орет, типа, всех пугает. Никто его, конечно, не боится, но он уверен, что не подходят из-за его усилий. У гусака клюв черный, шея белая, крылья серые, лапки красные. За ним идет гусыня. Она так же задирает голову, клюв у нее красный, шейка серая, крылья серые с белыми подпалинами, а лапки темные. Под ногами у нее путаются два желтых комочека, гусята, пищат, торопятся. Их догоняют серые гусята, с такими же темными клювами,

как у отца, с темными лапами. Следом шествует забавная белая гусыня с серой шейкой и светлым клювом. Она отстает, тянет шею, волнуется. Орет гусак, трясет зобом. Идут они чинно по травке, мимо гигантского пня. Когда-то здесь была огромная липа, в три обхвата. Около нее хорошо было в прятки играть. В один год липа вдруг высохла. Еще пару летостояла, ее спилили. В пеньке на следующую весну устроили клумбу. Теперь там растут маленькие красные цветочки. Гусак и на цветочки поорал, а потом свернулся со всем своим семейством в проулок. А мимо меня проплыли Веревкин с Ляшко. Ничего себе такие, живые. Мчались они в сторону реки. Ляшко так проехал, по прямой, а Веревкин обернулся.

Вообще про этот корень все знают. Он год от года становится все выше – земля вокруг проваливается. Дуб, что этот корень пустил, совершенно не против, чтобы об него спотыкались, роняли ведра, ругались, даже били. Вот и сейчас он был даже рад, что Веревкин в него вписался. Велосипед резко остановился, наездник упал грудью на руль, заднее колесо приподнялось, поддав хозяина под седалище. Потом вся сложная конструкция повернулась, уронив Веревкина на землю. В огороде заорал гусак.

День сегодня такой... Наверное, магнитная буря. Все падают. Перед нашим крыльцом.

Веревкин поднялся и снова посмотрел на меня. Я тоже во все глаза уставилась на него, потому что хотела разглядеть Юлечку. Но ее не было. Веревкин упал сам по себе.

– Как дела? – спросила я. Обо всем остальном спрашивать было глупо.

– Велосипедно! – буркнул Веревкин.

Он потряс свою технику, послушал, как она гремит. Хорошо гремит, душевно. Вон и винтик отвалился.

Я уже собралась с духом, чтобы второй раз спросить, как дела, но тут Веревкин поднял голову:

– Там, это, Шульпяков велосипед утопил.

Провел технику мимо корня, взгромоздился и покатил.

Я подобрала под себя ноги, обхватив колени. Велосипед – это же не сам Шульпяков. Велосипед – это не так страшно. Поныряет и достанет. Цепь потом прочистит, смажет, будет как новенький. А то он в дождь никогда на своем велике не попадал! Попадал! Мок, пачкался. И опять катался. Вот и теперь выберется, обсохнет...

Сама не заметила, как пошла в сторону реки. Удивилась, когда поняла, что не сижу на теплом крыльце, а иду. Бодро так шагаю и прислушиваюсь к крикам.

У нас деревня стоит на высоком берегу, реку хорошо видно. Эхо гуляет отменное. Рыбаки по звуку определяют, где кто затаился с удочкой. Или наоборот – переговариваются с одного края деревни на другой. Если что здесь происходит, то слышат все. И все прибегают посмотреть.

Река бурлила телами. Грохнул Шульпяк свою технику аккурат на середине мостков. Тут самое течение. Ныряли мальчишки в стороне – значит, утянуло вниз.

– Нашел! Нашел!

– Эх, упустил!

– Держи!

– Ногу отпусти, ногу!

Весело было. Кажется, велосипед за что-то там зацепился и они не могли его вытащить. Красота! Если Юлечка перебралась в речку, то сейчас ей там самое раздолье. Хватай кого угодно и тащи на дно.

Как только я успела об этом подумать, кто-то вынырнул из реки, забил руками, типа, тонул. Кажется, это был один из Жуков. Серега или Санек. Из мелких. Справившись с дыханием, он тут же рванул на берег.

Шульпяков стоял по грудь в воде с очень сосредоточенным лицом. Наверное, щупал ногами дно. Он единственный знает, где велосипед. Остальные так ныряют, для азарта.

Спасатели медленно смещались по течению вниз. Я прикинула: еще немного – и они доберутся до излучины, где когда-то был затон. Вряд ли Ляшко с Веревкиным старались оттащить камень подальше. Несли по меньшей траектории. Значит, скоро камень найдут. Может, Юлечка именно этого и хочет? Чтобы вытащили?

– Эй! Не ходите туда!

Это была большая глупость. Но закричала я до того, как успела о чем-то подумать.

– Ты смотри! Гвоздилова! – крикнул мелкий Жук. Из тех, что я путаю, Серега или Санек.

На реке сразу стало тихо. Все смотрели на меня. Понятно, что местное радио давно сработало, новость дня услышана.

Я попятилась. Какие-то лица у всех были... не очень. И только Шульпяков продолжал искать свой великолепный, уставившись в воду.

Рядом со мной упал ком грязи. Второй ударился в щиколотку. В плечо уже ударили камень.

Давно надо было спасаться, но я чего-то все стояла и смотрела. Шульпяков глаз так и не поднял. Мелкий Жук почти добежал до меня, когда я стартовала.

Никогда бегуном не была, но тут ноги сами заработали в хорошем режиме. Я их не чувствовала. Не слышала своего топота. Осталось только дыхание. Вдох, выдох, вдох, выдох. Сознание было абсолютно спокойным. Я понимала, что домой бежать нельзя. Стекла побоялись только так. А поэтому надо где-то спрятаться. Изображать спринтера долго я не смогу. Мальчишки сильнее и выносливее. Я бодро завернула в первый же двор. Здесь к колышку был привязан бык, гроза всей деревни. Пару раз в году бык с колышка срывается, деревня это потом обсуждает две недели.

Я пронеслась мимо животины, бык голову не успел повернуть. Зато на преследователей среагировал успел. В последнем рывке я нырнула за сараи, руками вперед ушла в крапиву. Мелкий Жук быка проскочил. Следом за ним еще кто-то. Остальные заголосили, застопорились. Я вжалась в землю, прислушалась. Парни как выбрались из воды, так и побежали, а потому были босыми и голоногими. А здесь крапива. Она останавливает не хуже быка. Но Жук был настырным. Недавнее утопление адреналином бушевало в его крови. Он пробежал по тропинке и чуть не наступил на меня.

– Держи!

Тропинка сворачивала к реке, а я помчалась вдоль сараев, топча крапиву. Это было невероятно больно. Перед глазами скакали искры. Все тело горело.

– В обход! Лови на углу!

Крики погони возобновились. Те, кого остановил бык, вылетели из двора и помчались дальше. А дальше – это два дома и развалившаяся заброшенность.

Сил бежать не было. Рук-ног я не чувствовала, как перелетела забор, не поняла. Здесь был сплошной шиповник. В нем я уже застряла окончательно, в кровь разодрала руки, порвала юбку и еле отцепила кофту.

У заброшенного дома было два входа. Один центральный – куда мы ходили с Вичкой. Это там был коридор, за ним комната с печкой и диванами. В дальней комнате трюмо. В комнате с трюмо крыша и обвалилась – рухнула центральная балка, снеся потолок. Второй вход тоже был с улицы. Закрытый. Попасть туда можно было через разбитое окно. Об этом знали все. Оставалось надеяться, что после обрушения в дом никто не сунется.

Я перемахнула через низкий подоконник и села на пол под окном. Будут заглядывать, увидят комнату, а вниз не посмотрят. Времени у них на это не будет.

Крики носились над улицей. Народ бегал, народ волновался, подбадривая себя обещаниями. По всему выходило, что меня держали за ведьму, из-за которой по ночам плачут младенцы, киснет прямо в вымени коровы молоко и убегает каша у хозяек. Ну и кошки именно из-за меня все черные.

Затрещали кусты. Самые сообразительные сунулись к развалинам. Оставшиеся обещали сообразительным новое падение крыши и обвал потолка. Но это не останавливало.

Послышалось тяжелое после бега дыхание.

Они еще ходили вокруг, заглядывали в окна, строили предположения, куда я могла деться. Они обложили всю улицу, и я, по их мнению, могла уйти обратно к реке. Или забраться сюда.

Я молилась, чтобы они пошли исследовать тропинки на склонах. Но мою молитву не услышали. Преследователи все смелее и смелее выдвигали предложения влезть в дом.

В окне зашуршало – в него заглядывали. Зажмурилась, зажала уши, перестала дышать. Ведь они могли, могли уйти. Что им стоило! Здесь нет ничего. А еще здесь очень и очень страшно. По ночам бродит призрак неуспокоившегося деда, пьет чай из чашек, заваривает в заварнике травяной настой, носит синие безразмерные штаны.

Юлечка еле заметно усмехнулась. Ее веселила моя фантазия. Здесь и правда жил дед. Но он умер. Потом пару раз приезжал сын, алкоголик. И все. Больше всего деду нравились его кусты шиповника. Когда-то они были шикарны. Делать из них букеты для своих девушки считалось шиком. Дед гонял разорителей палкой, иногда стрелял из дробовика. Дед умер, и мода на шиповник сразу сошла. Сейчас кусты заросли, цветы стали мельче.

Я смотрела на Юлечку, а она на меня не смотрела, ей было плевать, что я там придумываю. Смотрела в сторону, чуть дергала лицом, изображая недовольство. Что-то шло не так, как она хотела. А хотела она... Чего она хотела?

За окном шептали:

– Не лезь! Ну ее!

– Погоди!

– Надо хотя бы за одеждой сходить.

Ну почему мелкий Жук не слушается умных советов! Полез. Прям так и шуранул через подоконник. В плавках и босой. Он перелетел через меня, чуть пробежал вперед и, не оглядываясь, на цыпочках, юркнул в соседнюю комнату. Посмотрел направо, налево, ушел к двери.

Я очень тихо поползла по стенке от окна. Я вполне могла спрятаться за тумбочку. Мелкий боится. Он сейчас вернется и, больше не оглядываясь, сразу выберется наружу. Главное, не попасться ему на глаза при его возвращении. Когда он будет около окна, любой шорох заставит его драпануть так, что только пятки засверкают. Потом еще месяц в темноте дружкам станет рассказывать, как он встретил привидение и навалял ему так, что дух просил пощады.

Мне почти удалось добраться до убежища, когда за спиной что-то упало.

Юлечка. Стоит, протянув руку, чтобы уронить вторую табуретку.

Черт! Зачем ей это?

В дверном проеме тут же показался Мелкий.

– Вот она! – радостно заголосил он и подпрыгнул.

Даже Юлечка удивилась. Мне показалось, что я успела крикнуть. Выдвинулась из-за тумбочки. Это меня спасло.

Пол под Мелким, конечно же, обвалился. Следом еще что-то с грохотом прекратило свое существование. Меня обдало меловой пылью, на голову посыпалась труха.

Мелкий заорал от боли. Стоящие около окна с воплями кинулись прочь.

– Она его убила! Убила! – разносилось по округе.

Юлечки не было.

Глава 5

Буря мглою небо...

Вечерело. Теплый августовский день быстро сворачивал гостеприимную поляну с солнечными бликами и шершавым воздухом, ронял росу. Становилось холодно. От ознона стало чесаться все тело. Крапива, шиповник – они сделали свое злое дело. А еще меня колотило от голода. Давно не была такой голодной. Я успела только позавтракать. Молоко пила. Дальше все закрутилось.

Набежавшую слезу стерла. Подождите, я еще не сдалась.

Речку я переплывала в одежде. Потом брела вдоль берега прочь от деревни, вспоминая сумасшедшую охоту.

Не ожидала я, что наши люди такие азартные. На мои поиски поднялась вся малышня. Сначала они, конечно, испугались. И долго к окончательно развалившемуся дому никто не подходил. Мелкий плакал. Я раскидывала доски, но балка была слишком тяжелой, чтобы я могла ее поднять одна. Вытаскивали его уже без меня.

Спасенный Мелкий заходился в истеричных криках:

– Это она! Она во всем виновата! Это она заманила меня в дом. Она его обрушила. Посмотрела на потолок и обрушила.

Он икал и булькал. Выпившая вода выливалась у него из носа. Я быстренько смоталась, потому что объяснять развлеченному взрослым, кто и в чем виноват, бессмысленно. Вот успокоятся, тогда можно будет разбираться. Все-таки это они за мной охотились, а не я за ними.

После случившегося самое время было идти домой, пить молоко, успокаивать нервы. Но домой я не попала. У крыльца дежурили Ляшко с Веревкиным. А вдоль огородного забора рассекала на самокатах банда девчонок. Понадеявшись на женскую солидарность, я полезла через забор. Но девчонки подняли такой визг, что мне пришлось бежать, прячась за высокими кустами чертополоха.

– Где она? – тут же налетели на крик мальчишки.

У Веревкина к багажнику велосипеда было прикреплено ведро. В нем что-то дребезжало. Уж не камней ли они набрали? С этих сумасшедших станется.

Я сидела в кустах, и мне было чертовски обидно. Вон он, мой дом, совсем рядом, руку протянуть. Добежать бы до Шарика и спустить его с цепи. И пусть закидают камнями. Главное, я окажусь дома, за надежной дверью.

Как только я эту дверь представила, сразу поняла, что никакая она не надежная. Если захотят побить – побьют, и бабушка их не остановит. Еще чего плохое сделают – дверь сломают или окна расколошматят. Бабушка этого не переживет.

Поэтому я сбежала, перебралась через реку, сделала большой крюк по полю, прошла краем леса, чтобы никто не видел, как я иду. И вот теперь я сидела под ивами у затона, не зная, что делать. Одежда у меня высохла, но все равно было холодно. Голова пухла от разных мыслей, среди которых была главная – я не понимала, что происходит. Ну хорошо, слупили мы с Вичкой, в шутку забрались в дом и вызвали Юлечку. В тот вечер ничего не произошло, и мы радостно разбежались по кроватям.

Предположим, что Юлечка все-таки появилась и я стала ее видеть. Даже не так – я ее представила, и она пришла. Дальше стали происходить странные вещи. Заболела баба Шура, на Вичку упала крыша, ревматизм схватил мою бабушку. И верхом всего стал сегодняшний день, когда Шульпяков вдруг полез целоваться. Понеслись слухи. Утопился велосипед. Погоня.

Больше всего меня смущало то, что Мелкому меня выдала Юлечка. Он вполне себе мог безобидно выбраться на улицу и побежать меня искать еще где-нибудь. Но она специально уронила табуретку. Поэтому он меня увидел, поэтому он, дурак, радостно прыгнул. А зовут его,

оказывается, не Санек и не Серега, а Миша. Это уже его мать кричала в панике. Приехал на него смотреть все тот же фельдшер. Скоро он у нас пропишется.

Я запустила пальцы в волосы, растрепала их, надеясь, что к мозгам прильет кровь и они начнут работать.

Еще у меня были две надписи. «Привет» на гречке и «Не уезжай» на окне.

С приветом все понятно – контакт с инопланетными цивилизациями. Со вторым посланием вроде как тоже. Юлечка скучает в одиночестве, никто ее в компанию не берет, вот и хочет оставить меня. Тогда понятно, почему все вокруг болеют. Баба Шура – советовала, как от Юлечки избавиться. Моя бабушка – возила меня по церквям и знахаркам. Вичка… А ее почему потолок встретил? Она же не хотела, чтобы я уезжала. Шульпяков…

Странно, я думала, что на эту велосипедную троицу обрушится кара небесная за то, что они утопили камень. Что спускает шины, что икота безудержная откроется, что начнут гореть пятки. Да все что угодно. А у них только один велосипед утонул. И то, наверное, уже достали, починили, опять Шульпяков на нем жару дает.

И совсем я не понимала, что произошло в доме днем. Зачем Юлечке понадобилось, чтобы Мелкий Миша меня находил? Я же сама чудом увернулась от рухнувших досок. И то потому, что рванула спасать Жука. А так бы красавец фельдшер еще и меня бы лечил. Я бы, может быть, в больницу к нему попала. Каждый день он заходил бы с обходом, улыбался бы мне. Так, глядишь, и август бы незаметно прошел.

В душе шевельнулась догадка. Она заставила меня встать и зашагать взад-вперед. Август, август, надо пережить август.

Мне уже хотелось уехать отсюда и забыть эту Юлечку как кошмарный сон.

Вот бы поскорее появилась мама, она умеет решать любые задачки.

Я еще немного побегала туда-сюда. Стало теплее. Тогда я начала вспоминать, что же такое слушала Юлечка. Виолончель… Что-то там еще было. Явно не русское. Хотя под какуюнибудь «Прыгай вниз» Флер в самый раз падать в омут. И музыка там должна быть… Как Doors, как Alis In Chains…

Подумала – и сама удивилась. Потому что эту самую песню я никогда не слышала. И название такое в первый раз…

Тревога торкнула под ребра, мурashki заскреблись под лопатками. Я бродила под знакомыми ивами затона. Где-то здесь должны были остаться камни…

Камней в сумерках я не нашла. Зато хорошо разглядела сидящую на земле темную фигуру. Подходить не стала. Села неподалеку, обхватила колени. Пальцы дрожали. Я с трудом влезла в карман. Достала крестик. За целый день про него не вспомнила. А теперь вот – в самый раз. Почти как у Тарантино: Юлечка на меня, а я ей крест в лоб. Хотя крест – это рано. Про деда она мне рассказала, теперь пускай рассказывает про себя. А если что… Я удобней намотала желтую тесемку на ладонь. Подышала на тонкий крестик. Желудок стрельнуло болью. Ничего, потом поедим. Как все выясним, так сразу и поедим.

Юлечка чуть качала головой – что-то неспешное слушала, судя по ритму. За капюшоном ее было не видно. Она медленно подняла руку, вынула один наушник, протянула в мою сторону. Жуком зажужжала еле слышная композиция. Я подошла. Протянула руку. Музыка стала слышнее.

Не виолончель. Рояль. Пронзительно так.

– Я почему-то так и подумал, что ты будешь здесь, – как всегда не вовремя появился Шульпяков.

Я чуть не подпрыгнула от испуга. Руку с крестом выставила вперед.

Шульпяков. С самокатом. Вещь! Велик свой, значит, утопил с концами.

– И чего? – Я сунула крест в карман. Против Шульпяка только дрын помогает. Или кочерга.

Я встала так, чтобы в случае чего убежать. Шульпяков с очередным драндулетом вряд ли меня догонит. Только если не начнет метать свою технику.

– Вот, пришел.

И руками развел. Я прыснула. Мы помолчали. Шульпяков вдруг уронил самокат и потянул что-то из-за пазухи. Я отступила. Все-таки пацаны непредсказуемы.

– Тут бутерброды. Может, поешь?

Спорить не стала. От вида пакета, от запаха меня еще больше затрясло.

– А молока нет?

Бутерброды были с ветчиной. Я чуть не подавилась от первого же большого куска – хотела, чтобы поскорее уже внутри оказался.

– Я сейчас!

Шульпяков подхватил самокат, но сам же и остановился. Я улыбнулась, не переставая жевать:

– Что там происходит?

– Тебя ищут.

– И как, нашли?

– Пока нет.

– Ну, раз пока не нашли… Может, позже повезет?

Бутерброды очень быстро кончились. Неожиданно. И сразу захотелось молока. Может, зря не пошел?

– Жуковы собираются всю ночь у твоего дома дежурить.

– А потом?

– Поймают, к себе потащат. Мишка ногу сломал и сотряс заработал. Его тошнит постоянно.

– Нечего было прыгать. Сам виноват.

Я отдала пакет. А то он пах очень сильно. Хотелось и его съесть.

– Они думают, что виновата ты. Мишка орал, что от одного твоего взгляда доски посыпались. Что на него падало, а на тебя нет.

Шульпяков неуверенно дернул плечом. Громыхнул железом самоката. Что на это ответить? Нечего. Трое нас там было. Но Юлечка промолчит, Мишка соврет, а мне никто не поверит.

– Чего делать будешь?

– Уеду. Чего тут делать-то теперь? Мать дождусь и… Раз никто не верит, что это не я, а дурацкая Юлечка.

Опять заскрипело – Шульпяков стал водить самокатом перед собой, засопел. Прямо Железный Дровосек, а не пацан. Все-таки он меня своим драндулетом прибьет.

– Я верю, – вдруг выдал он. – Не надо уезжать. Я как-то раньше… а теперь… Короче, я докажу всем, что ты ни при чем.

Самокат грохнул, вывернувшись из его рук.

– Мне надо домой, – сказала я.

– Там Жуки… – завел свою шарманку Шульпяков. – А на задах какие-то, с того края, у поля. Я их не знаю.

– Спусти Шарика. Он их разгонит.

– Он меня загрызет.

Я не ответила. Стасила с себя футболку. Сунула Шульпякову. Он повертел ее в руках.

Медленно соображает. Очень медленно. Скомкал, развернул и наконец ожил. Свою рубашку отдал мне, поднял самокат:

– Пошли.

Он топал впереди. Не оглядывался. Смотрел только под ноги.

Вместе мы перешли мост. На пригорке я взяла Шульпякова за руку. А он меня вдруг обнял. Я сначала хотела отстраниться, но потом поняла, что лучше нам идти вместе. Как будто один человек.

– Кто это? – крикнули из темноты.

– Я, – отозвался Шульпяков. – За рекой ее нет. А что у Жуков?

– Санек прибегал. Говорит, тихо.

– Проведаю их.

Только отойдя на несколько шагов, я заметила, что вишу на руке у Шульпякова. Ладонь у него была влажная. Сам он дышал тяжело. Самокат в руке погромыхивал.

Заброшенный дом заметно просел. Крыша съехала на бок, стены сложились. Я отступила к крапиве. Шульпяков тоже остановился. Пока мы шли, он мою футболку чуть ли не в узел завязал.

В деревне темнота была уже не такая кромешная. От крайних домов за углом начиналась асфальтовая дорога с фонарями, слабый от свет долетал сюда. Я видела шульпяковское лицо. Глаза распахнуты. Кажется, они у него серые.

– Я сейчас, – произнес он. Тряхнул самокатом и отправился к моему дому.

Ему навстречу из-под забора вынырнула фигура. Жуки – их там три брата, друг за друга горой. Что-то Шульпяков им сказал. Негромкое. Отдал самокат и пошел дальше. Обогнул палисадник. От лавочки поднялся второй. Теперь они все трое стояли около нашей двери. Дом был темен. Ни одного окна не горело. Где же бабушка?

Вдруг крикнули:

– Стой!

Ответа не было. Грохнул самокат. Мне ничего не было видно. Лишний шаг мог меня обнаружить, поэтому я жалась к крапиве. Сегодня она меня уже спасла.

Заворчал Шарик. Бряцнул цепью. Я представила, как он рванул, увидев чужого, как когти царапают землю от нетерпения, как он встал на дыбы, как взмахивает передними лапами.

Лай тяжелый, хриплый.

– Шульпяк! – позвал один из Жуков. – Ну его!

Шарик подавился лаем, застонал, загремела цепь.

– Шульпяк! Ты чего?

Шарик заворчал, закряхтел. Двое рванули прочь. За ними огромными скачками мчался наш ризен. Крики потонули в темноте. Со всех сторон стали отзываться голоса. Я побежала к крыльцу. Успела заметить прислонившегося к стене Шульпякова. Он стоял, сжавшись, словно Шарик выгрыз ему внутренности. Пока я на него смотрела, успела наступить на что-то странно знакомое, что мягко подалось под ногой. Свистнул воздух. Я обнялась с черенком грабель и рухнула под лавочку.

Шульпяков тихо засмеялся. Топот накатил.

– Тут она!

Вдруг стало светло. Так светло, как будто я умерла и уже перенеслась в рай, где вечный день, цветут яблони и порхают птички.

Птица и правда пропела. Оглушительно, надрывно. Я сдвинулась, чтобы фары так не били в глаза, и разглядела нашу машину. Сигналил клаксон. Как птичка.

Мама приехала.

– Маша! Ты ужасно выглядишь, – было первое, что сказала моя мама. – Мальчики, что вы здесь забыли? – спросила она подбежавших.

И все с криками бросились прочь. А я снова обняла грабли и заплакала. Люб жутко заболел.

Сквозь крики прорвался собачий лай.

– Шамшут, – тихо произнесла мама. – Ко мне.

Взвизгнув, Шарик бросился к маме. Но тут же отпрянул и для порядка гавкнул на Шульпякова.

– Ко мне, – повторила мама.

Шульпяков выпрямился. Все-таки зверюга успела его исцарапать. Кровь текла по руке, на голом плече виднелись царапины.

– Шульпяк! – ахнули в темноте.

– Что происходит?

Мама с удивлением смотрела на меня. Я сейчас тоже была не красавица. Руки страшные, про лицо молчу. Я попыталась плотнее запахнуться, под рукой почувствовала незнакомую ткань.

А потом прилетел камень, ударил о лавочку. Ком грязи впечатался в капот машины.

– У вас что, война?

Поднялся крик и вой. Шарик вырвался из маминых рук и нырнул во тьму. Оттуда завопили, поплыл девчачий визг. Шульпяков исчез. Фары выключились. И я наконец-то поднялась по ступенькам.

– Зина! Закрой дверь, – раздался голос бабушки.

Она сидела на террасе, на лавке. В темноте. Я не стала тянуться к выключателю. И так все было понятно.

Взрослые сразу ушли в комнату, а я осталась в кухне. Болели руки, болело лицо, но внутри было странно пусто и легко. Словно я уже умерла и могу свободно летать.

Шарика не стали сажать на цепь. Оставили около крыльца, и теперь он никого не подпускал к террасе. Камни стучали о забор – перебросить их через палисадник ни у кого не получалось. Иногда орала сигнализация. Тогда исчезали другие звуки. И это было хорошо.

Заплакал Шарик, ему, бедному, досталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.